

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Маргарита Малинина
Смерть вне очереди
Серия «Юля и Катя: пора братья
за расследование», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48679493

Аннотация

Есть люди, которых приключения найдут абсолютно везде, и обыкновенная экскурсия в Петергоф выливается в кровавый триллер: 11 человек, в числе которых Юля и Катя, из-за внезапно разбушевавшегося урагана оказываются практически запертыми в сказочно красивом городе и селятся в пустующей хижине лесника. Все бы ничего, но один за другим участники злополучной экскурсии начинают умирать, по какой-то мистической случайности повторяя очередность построения на общем снимке, сделанном перед самым отбытием в Петергоф. Так как всех, кроме них, успели эвакуировать, напрашивается вывод: если в смертях виновато не проклятие, не роковой фотоснимок, а человек из плоти и крови, значит, этот жестокий, любящий последовательность убийца – один из них.

Книга также выходила под названием «Портфолио мадам Смерти».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	68
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Маргарита Малинина

Смерть вне очереди

Глава 1

Огромная площадь, выложенная темно-серым камнем. Прямо перед нами красивое старинное зеленое здание в три этажа в стиле барокко, с белыми колоннами, с позолотой, на крыше – больше сотни каменных изваяний, красующихся на фоне грустного-прегрустного серого сентябрьского неба, заволоченного несколькими слоями плотных облаков. Зимний дворец, как ты прекрасен!.. В воздухе витает свежесть после недавнишнего дождя, на земле, на асфальте и каменной площади поселились малые и великие лужи. Эх, Питер, как я тебя люблю! Наша Москва с ее отнюдь не осенним пеклом превратилась для меня в камеру пыток. Вот не люблю я солнце, и все! И вообще, у меня на него аллергия, стоит выйти на ярко освещенную праздничными лучами улицу, начинаю неистово чихать, да и глаза слезятся, подливая масла в огонь дискомфорта. Странно, раньше за мной такого не водилось, а теперь вот началось. Хотя что в этом, в общем-то, странного? Начало сентября и тридцать с плюсом, несколько недель подряд безжалостного солнца и ни капли дождя – то еще сочетаньице. При таком климате любая аллергия раз-

виться может. То ли дело Санкт-Петербург... Ленинград... Питер...

– Я люблю этот город! – в полном экстазе выкрикнула я в никуда.

Пара проходящих мимо старушек одобрительно закивала головами.

– И не говори, деточка! – сказала одна из них. – Москву давно всю переполнили, теперь к нам ломанулись! В своем родном городе гулять спокойно уже стало невозможно, кругом одни чокнутые туристы, прости, Господи!

– Я тоже туристка! – возмущенно молвила я, бабки смирили меня презрительно-ненавидящим взглядом, а Катя, моя лучшая подруга, взяла за руку и повела за собой вперед, ко входу в Эрмитаж, приговаривая:

– Юля, перестань спорить со старухами, все равно победителем выйти не удастся. Последнее слово всегда за ними, запомни это!

– Да! – важно пропели старушки, соглашаясь с верностью Катиной теории, и потопали себе дальше.

Что ж, пришла пора рассказать про нас с подругой. Последнее время мы что-то взялись путешествовать. Объездив все города Золотого кольца и посетив Черноморское побережье, добрались мы и до Северной столицы. Это немного, скажите вы, но когда тебе девятнадцать, твоей подруге двадцать, а у тебя вдобавок строгие родители, путешествовать в кругу друзей выдается не слишком часто (иначе моего отца

от переизбытка стрессов хватил бы сердечный удар).

Прошрое наше приключение оказалось жуть каким опасным, ибо Катя никогда не усидит на месте и обязательно втравит меня в какую-нибудь детективную историю, потому в Питер в качестве эскорта мы захватили с собой Катиного парня Женьку Логинова и его друга Пашу Самойлова, надеясь, что их присутствие позволит ошалелым приключениям обойти на сей раз двух непутевых девушек стороной, настроив исключительно на знакомство с городом.

Некоторые считают нас с Самойловым парой, но это немножко не так. Мы пару раз ходили вместе в кино, но до серьезных отношений так и не дошло. Павел считает, что все дело в росте: когда я на каблуках, то выше его; но это бывает крайне редко, так как стиль в одежде предпочитаю спортивный, поэтому он зря из-за такой ерунды паникует. На самом деле причина только во мне, мне нравятся молодые люди намного старше (все трое моих друзей ровесники), однако опыт показывает, что с такими-то мне как раз и не везет. Но курице Господь дал и то больше мозгов, нежели вашей покорной слуге, оттого я упорно продолжаю биться о стену в ожидании появления принца на белом коне с дворцом в качестве будущей совместной собственности и не вижу того, что находится в непосредственной близости. Одно слово – дура.

Катя Любимова совсем другая. Бывают люди мудрые от природы, вот это о моей подруге. Ее душа почему-то запо-

минает весь опыт прошлых жизней и передает его каждому новому воплощению. Мистика? Бред? Не знаю. Но почему она тогда такая умная? Ладно, неважно, все равно скоро сами это поймете. Опишу ее внешность в двух словах: среднего роста или чуть выше среднего (знать бы еще какой конкретно рост относят к среднему, тогда бы сказала наверняка), но постоянно носит обувь на как минимум десятисантиметровой шпильке, так что издалека кажется, что она выше меня; стройная, красивая, волосы длинные, выющиеся от природы, каштанового цвета (открою вселенскую тайну – крашенные). В небесно-голубых миндалевидных глазах проявляются купно и холод, и тепло; и простота, и важность; и молодость, и зрелость; и мягкость, и суровость. И все это вместе, представляете себе? Вот такая у меня подруга.

Женя – высокий блондин, фигуре которого по-черному завидовал Брэд Питт, даже когда, подкачанный, снимался в фильме «Троя». Не верьте, если скажут, что качки тупые и непременно обколотые анаболиками. То есть такие, конечно, есть, но к Логинову это не относится. Он эрудирован, начитан, остроумен. Любимец женщин. Своей натренированной обольстительной улыбкой может растопить огонь на любой, даже самой отдаленной от Солнца, заледенелой планете. Я каждый день с белой завистью отмечаю, как же прекрасно они с Катей подходят друг другу.

Паша... Это отдельный разговор. В нем как будто уживаются два разных человека. Один из них флегматик, молчун,

«тормоз». Порой Павел настолько уходит в себя, что докричаться до него невозможно. Зато по выходе из Космоса он выдает такие штучки... Я тут же хватаю блокнот и за ним записываю, называя данные изречения «пашнятинки», потом даю почитать знакомым – заходят лучше анекдотов. Вторая Пашина сущность – «заводной апельсин», как я это называю. Холерик, кипящий деятельностью. Тогда Самойлов носится взад-вперед, повышает голос, машет руками и роняет все, что попадает на пути. Мы трое в такие периоды предпочитаем прятаться за устойчивыми предметами мебели или вообще покидаем помещение до лучших, спокойных, времен.

Так, ну вроде все. Нет, кого-то я забыла... Ах, ну да, себя! Себя я все время забываю. Итак, в зеркале я вижу довольно милую сероглазую блондинку с аккуратными ушками и средней длины волосами, неизменно убранными в хвост, высокую и скелетообразную. Видели когда-нибудь скелетов на подиуме? Вот, тогда вы можете себе меня вообразить. Из странностей... Да их много. Люблю мышей и всяческих рептилий. Боюсь собак и укулов, часто по их вине падаю в обмороки. Да и просто часто падаю. И не только в обмороки... Что еще? Нелюдима. Так говорит обо мне мама, на языке психологов эта болезнь звучит затейливо – «интроверт с признаками социофобии». Вам уже страшно? Тогда добавлю коронный номер – не знаю, как это выходит, но очень часто я почему-то проговариваю свои мысли вслух.

– Даже чаще, чем ты сама думаешь, – хихикнул идущий

рядом Женька.

Ну вот, началось...

– Лучше бы закончилось, – вставила словцо Катя, продолжая вести меня за руку, как малое дите.

Мы достигли входа и зашли внутрь.

– А где наша группа? – озабоченно спросил Павел, па-никуя. – Люди, мы потерялись! Помогите! Маманя! Со-ос! – Ей-богу, если б в Пашиных руках находились чьи-либо трусы, он стал бы ими размахивать.

– Да не потерялись мы, – успокоила друга Любимова. – Видишь странноватого металлиста с косичкой? Вот за него и держись. Это наша группа. Главное – это сразу запоминать кого-нибудь неординарного в своей группе и не спускать с него глаз, тогда на экскурсии потеряться станет невозможно.

Я воззрилась на подругу с глубоким уважением, а Самойлов уточнил:

– То есть как – за него держаться? За косу, что ли?

Думая, что лучше бы Катя произнесла «придерживайся его» вместо «за него держись», я глянула в ту сторону. Действительно, среди нашей группы особенно выделялась эта пара, я их тоже отметила еще в гостинице, но не догадалась использовать как ориентир. Мужчина и женщина лет тридцати с копейками. У нее на голове суший панк, половина волос выкрашена в зеленый цвет, половина – в иссиня-черный. Губы накрашены жуткой темной помадой. А он... это вообще шедевр. Весь котелок побрит, за исключением ма-

лой области на самой макушке. Оттуда-то и вела до самой талии тоненькая темно-розовая коса. Над ней татушка, черная надпись в два ряда, но буквы настолько мелкие, что я, увы, не сумела прочесть. На щеке тату иного вида – малинового цвета сердце (прекрасно гармонирующее с косой), проткнутое стрелой, горит на оранжевом пламени и испускает серый дым. Однако чересчур сентиментальное изображение для столь серьезного типа, у которого ко всему прочему глаза замазаны черной подводкой, а в носу огромное кольцо, придающее ему сходство с быком. Одет тип, как и полагается, в кожаную куртку с цепями и всякими металлическими штучками, его дама придерживается того же стиля. Помимо всего прочего, парочка «пропирсинговала» себе практически все лицо и другие, подчас неожиданные, места.

– Да, Пахан, хватайся за шнурок от звонка и тяни что есть силы на себя! – посмеивался над другом Логинов, подходя к кассе – нужно было оплатить квитанцию на съемку. Вообще говоря, Женя частенько иронизирует над другом, однако их многолетнюю дружбу это ни разу не пошатнуло.

– Жень, он же поверит! Нельзя ему такое говорить, не предупредив о том, что собираешься поприкалываться, – попеняла ему Катька и стала вдруг судорожно оборачиваться. – А где Паша?

Правда, где же он? Желая найти ответ на сей вопрос, я также начала водить туда-сюда глазами.

А Паша тем временем уже внял совету. Подкрался сзади к

металлисту и попытался схватить его за косичку, благо Катька подросла и увела его в сторону.

– Да не собирался я его трогать! – возмутился Паша тем, что его считают совсем уж идиотом. – Просто рассмотреть хотел получше, чтобы запомнить!

Тот обернулся, услышав:

– В чем дело, уродец?! Жить надоело?!

Мужлан отчего-то рассвирепел (очевидно, устал от шуток относительно своей внешности) и, подходя к нашему другу, уже занес кулак, но тут подросел Жека, размахивая бумажкой с разрешением на съемку, и ринулся в атаку – спасать друга. Раньше он усиленно занимался каратэ, теперь вроде бросил, но зато не вылезает из тренажерных залов. Так что хоть длиннокосый и был крупнее, но с Логиновым вряд ли мог тягаться на равных.

Завязалась потасовка, любительница панков закричала.

– Что здесь происходит?! – подбежала к нам на ее крик гид, высокая, сутулая, скорее всего, худая (так как носит она жутко бесформенные вещи абсолютно не своего размера, которые можно дважды, такое ощущение, обмотать вокруг ее тела) женщина со светлыми волосами и в очках, зовущаяся Галиной Тимофеевной. Рядом с ней семенила ее дочь Валерия – девушка лет семнадцати-восемнадцати с черными волосами, подстриженными каре, скорее всего, крашеными.

Мужчины разошлись в стороны, а Катька кинулась объясняться с сердитой женщиной, настаивая на том, что тип пер-

вый налетел на нашего друга. Тип отрицал.

– Мне все равно, кто первый начал, – наконец изрекла она тоном, не терпящим возражений. – Главное в экскурсиях – дисциплина! Не только в экскурсиях – во всем! Нужно уметь держать свои эмоции в узде! Немедленно просите друг у друга прощения.

Но никто этого делать не хотел. Наконец, когда нам дали одного из экскурсоводов Эрмитажа, которые не привыкли ждать, ибо спрос на них всегда превышает предложение, металлист, Женька и Павел прилюдно помирились, пожав друг дружке руки, иначе Галина Тимофеевна грозила лишить всю группу экскурсии по музею.

Фотографироваться мы начали прямо на лестнице. Под высоченным потолком висят позолоченные люстры с тысячей похожих на свечи маленьких лампочек, на стенах лепнина – головы зверей и божеств, – украшенная позолоченными лепестками. С двух сторон от люстр – картины, написанные маслом прямо на потолке, и цветная мозаика. Впечатлений было море.

– Юль, а давай с тобой щелкнемся? – жалостливо заглядывая мне в глаза, попросил Павел.

– Некогда, – ответила за меня Любимова, – наша группа уходит. Видишь, темно-розовая косичка скрылась за поворотом!

– Кать, Жень, идите, мы вас догоним, – сказала я, посочувствовав Павлу. Могу я сделать доброе дело или нет? К

тому же мне совсем не составит труда с ним сфотографироваться.

Те тут же вняли совету и скрылись за поворотом, а Павел, заявив:

– Ничего, они не успеют далеко уйти, – подлетел к первому попавшемуся человеку и всучил ему в руки цифровой фотоаппарат. – Снимите нас, пожалуйста, вместе!

– I don't understand! – с испуганно выпученными глазами начал тот отнекиваться на ломаном английском.

– Че он говорит? – обернулся ко мне Паша.

– Он не понимает по-русски.

– Ща поймет! – Самойлов засучил рукава. Я стала молиться, воздев глаза к потолку: если Паша за что-то взялся... не ждите пощады! Господи, лучше бы я ему отказала в этом капризе, честное слово! – Вот фотоаппарат, видите? – медленно проговаривая слова, точно в беседе с дебилом, продолжил Павел приставать к бедняге иностранцу. Тот ответил что-то на своем языке и отрицательно покачал головой. – Андэстэнд? Нажимаете на кнопочку, вот здесь... О'кей? – Дядька снова завертел котелком, отчаянно ища возможность слиться от сумасшедшего русского и озираясь с этой целью по сторонам. – Юль, ну переведи ему! До чего ж они, американцы, тупые!

– Ты хочешь, чтобы я *это* перевела ему? – ехидно осведомилась я.

– Да нет, скажи, пусть щелкнет нас на фоне потолка!

– Как это – на фоне потолка? – не поняла я и подняла голову к люстре. – Снизу, что ли?

– Да. Скажи ему, пусть он ляжет! И из такого положения нажмет на кнопку! – Иностранец, решивший, что мы, занятые диалогом, о нем забыли, крадучись, сделал два шага к спасительному выходу, что был возле лестницы, но Самойлов тут же догнал его, схватил за плечо и крикнул ему в самое ухо: – Андэрстэнд, я спрашиваю, или нет?! Когда я спрашиваю, надо отвечать! Андэстэнд?!

Турист от испуга присел.

– Паша,пусти его! И вообще, он не американец, он испанец!

– Да с чего ты взяла?

– С того, что я сама начала изучать испанский и поняла даже пару слов.

– В самом деле? – робко переспросил меня Паша и, дабы проверить мое предположение, сообщил испанцу единственную фразу, которую знал на его языке: – Бесаме! Бесаме мучо!

Тот, вздрогнув, быстро залепетал что-то по-испански, вырвался и убежал, затравленно оглядываясь.

– Надо же, и впрямь испанец!

– Паша, Паша... – покачала я головой. – Идем, а то совсем заблудимся.

К сожалению, я накаркала. Мы действительно потерялись. Войдя в первую залу, где предположительно скрылся метал-

лист, а потом и наши друзья, и никого не увидев, мы спокойно зашли в следующее помещение, но когда и оно оказалось пустующим на предмет знакомых лиц (а так, людей была толпа), а вывело нас в коридор, который демонстрировал видимо-невидимо дверей в такие же точно залы, тут уж мы загрустили не на шутку.

– Паша! – обрушила я свое раздражение на друга. – Ты понимаешь, что я впервые в Питере?! Что я всю жизнь мечтала посетить Эрмитаж и послушать лекцию экскурсовода?! А из-за тебя... И что теперь прикажешь делать? Ходить, уподобившись тупым баранам, из помещения в помещение и глазеть на картины, самостоятельно читая таблички? Ты понимаешь, насколько велик Эрмитаж?! Самое интересное и известное мы сами не найдем!

– Давай позвоним Жеке и Катьке, – опустил глаза и покраснев всем лицом и шеей, предложил Самойлов.

Я лишь взяла его за рукав, подвела к объявлению, висевшему в каждом зале, и ткнула пальцем, злобно прошипев:

– Читать умеешь?

– «Убедительная просьба отключить мобильные телефоны», – послушно прочитал Паша вслух, пригорюнившись, тяжело вздохнул и превратился в молчуна, чувствуя свою вину.

– От тебя одни проблемы, – добавила я ему горя и высокомерно отвернувшись, демонстративно начала путешествовать по музею в одиночестве.

Паша, держась на определенном расстоянии, все же плелся следом, боясь потерять меня из виду и остаться совсем одному. Меня это радовало, так как я тоже не желала совсем уж потеряться, а тут нас вроде бы двое. Пройдя несколько залов и ощутив, как раздражение на друга меня почти покинуло, я хотела уж было позвать его и извиниться за вспыльчивость, но в эту секунду до моих ушей донесся из коридора голос русскоговорящего экскурсовода. «Наши!» – взорвалась мысль в моем мозгу, и я бегом ринулась в коридор. Там оказалось несколько групп, обегая каждую сбоку, я прислушивалась к языку, на котором говорят. Китайский... Английский... Где же русские?

Заметив поблизости лестницу, я припустила по ней бегом, решив, что, наверно, наши уже на втором этаже, и не подумав о том, что Паша теперь точно потеряет меня из виду, если еще не потерял. Мне было не до этого, я хотела найти нашу группу и послушать хотя бы часть лекции об искусстве.

Влетев, подобно урагану, на второй этаж, закрутилась на месте, напрягая зрение. Вон дверь в залу... И вон еще одна... В дальнем конце коридора какая-то группа, но явно не наша. Где же они?

С минуту я судорожно вертелась вокруг своей оси, но наконец мне почудилось что-то черно-зеленое, заворачивающее за угол, и я, уповая на то, что это была металлистка, понеслась туда, ощущая, как в голове стучит пульс. На полном ходу вписываясь в поворот, наткнулась на высоченного

негра, влетев ему прямо в грудь. Я подняла глаза. Африканец был коротко стрижен и имел рост в добрых два с небольшим метра.

– I'm so sorry! – кинулся он извиняться, будто это он в меня вбежал, а не наоборот. – Are you alright?

Я лишь молча его разглядывала и диву давалась, какой же он большой, затем поняла, что нужно что-то ответить (он ведь спросил, в порядке ли я), иначе решит, что в результате мощного столкновения я проглотила язык.

– Yeah, I'm okay, don't worry. – „And be happy“, – чуть не добавила я, но вовремя остановилась и хихикнула, вспомнив песню.

То ли я так неестественно хихикнула, то ли негр был воспитан до невозможности, короче, он продолжил приставать ко мне и моему состоянию:

– Are you hurt? – То есть «Вы не ушиблись?»

– No, I'm fine. – Подумала и зачем-то сказала: – Thank you.

– Are you sure that you're okay? – То есть «Вы уверены, что вы в порядке?»

– Вот пристал, – вполголоса проговорила я, немного от-
вернувшись, затем снова посмотрела на него. – I'm sure.
Thanks again. Bye.

Негр как-то странно улыбнулся, я обошла его и быстренько влетела в зал, откуда он выходил. Зал был пуст, не считая пары-тройки туристов, таких же одиноких и отбившихся от группы, как и я. Вот неудача, а!

Я немного постояла, глядя в серый пол, затем, настроив себя подобающим образом, подошла к ближайшей картине и стала ее изучать. Не дождетесь от меня слез! Я прекрасно проведу время одна! Я сама найду все самое знаменитое и сама сумею это проанализировать! Потом меня же и возьмут сюда работать гидом!

Я нашла Пабло Пикассо. Первого взгляда на его работы хватило, чтобы уяснить для себя раз и навсегда: кубизм я не понимаю.

– Why are you frowning? Don't like it?

Я вздрогнула и обернулась. Ей-богу, мне почудилось, словно сам Пикассо решил мне выразить свое возмущение по поводу неодобрения его работ. Но это был всего лишь новый знакомый. Негр. И что он пристал ко мне, в самом деле? Если б на моей голове красовалась сотня африканских косичек, а лицо было б замазано гуталином, я бы решила, что ему нравлюсь. А светлая кожа и белобрысый хвостик... Его что, на экзотику потянуло? Или у них в Африке женщины закончились?

Значит, почему я хмурюсь? Что ж, мне действительно не нравится.

– You're right, I ain't in delight. – То есть «Вы правы, я не в восторге».

Негр приподнял черные брови.

– Are you a poet?

Поэтесса ли я? Хм... Что тут поделаешь, я действительно

часто говорю стихами. Даже на английском языке. Это выходит совершенно непреднамеренно.

– Отстань, Африка... – пробормотала я полусшепотом, а негр хитро прищурился. – Yes, I am, – не стала я спорить.

– What's your name?

Ну вот, докатились! Столько русских мужчин мимо прошло, и никто из них не догадался спросить мое имя! А тут негр... О чем я с ним разговаривать-то буду? Зачем он со мной пытается познакомиться?

– Кукарача, – с вызовом ответила я и скорее удалилась из комнаты. Вслед мне раздался пугающий раскатистый папуасский смех.

– Вот ты где! – обрадовался Паша, наткнувшись на меня возле полотна Гогена. – Я уж думал, что потерял тебя навеки! Мне так страшно стало, не поверишь!

Неизменно лохматые черные самойловские волосы стояли сейчас и вовсе дыбом, что не позволило мне сомневаться в правдивости сказанных слов.

– Прости, я не хотела, чтобы так вышло, – запоздало извинилась я. – Ты ни в чем не виноват.

– Нет, я виноват! Если бы я не пристал к тому португальцу, ничего бы не произошло и мы бы не отбились от экскурсии!

– К испанцу.

Тут Павел меня ошеломил:

– Да какая разница? Все равно они на одном языке разговаривают! – Когда я открыла рот, чтобы его поправить, он не дал сказать, предложив: – Хочешь, я покажу тебе Айвазовского? Он здесь недалеко. Хорош! Пошли?

Посмотрев Айвазовского, а также, помимо других картин, еще и трон Петра Великого, посуду, мебель, фрески и многое другое, мы спустились по лестнице и вышли из здания, приготовившись к длительному ожиданию. Однако скоро позволила Катька:

– Вы где?

– Возле центрального входа.

– Хорошо, мы идем.

– Кать, а ведь нельзя телефонами пользоваться, – додумалась я произнести в трубку. – Написано в объявлении.

– Это для дураков написали. Ждите, мы уже близко.

Так, значит, я дура. Ну ладно, я и так это знала.

Мы вчетвером погуляли по Невскому, пообедали в «Бистро» и с помощью подземки добрались до гостиницы.

Приехали мы в сей чудесный город сегодня рано утром. Нам только позволили забросить вещи в номера и принять душ с дороги и тут же отправили на экскурсию – такова программа поездки. Теперь мы с ликованием в душе предвкушали валяние на диване и сопутствующее ему ничегонеделание. Номера нам достались почти по соседству – через один, это почему-то радовало и вселяло твердое спокойствие в душу. Близрасположенный конвой впутаться в какое-либо осо-

бо опасное расследование нам уж точно не даст.

– Ну, Расскажи что-нибудь, – лежа на кровати нашего двухместного номера, попросила Катька. Я не придумала ничего лучше, как описать знакомство с негром. Хотя какое на фиг знакомство? Я даже имени его не знаю. Наверно, какой-нибудь Абдулла-ибн-Саид-агы. – Что? Абдулла? – удивилась подруга. – Его так зовут?

– Что? А, нет. Это опять мысли вслух. Чем займемся?

– Не знаю. Может, книжку читаем?

Я согласилась. Телевизор мы с подругой не уважаем, а кроме книг заняться было совершенно нечем. Следующая экскурсия только завтра, ужин у нас в семь часов, а сейчас пять. Действительно самое время почитать.

Мы полезли в спортивные сумки, извлекли оттуда детективы, пообещав по прочтении обмениваться книгами, включили бра каждая над своей кроватью и открыли на первой странице, собираясь углубиться в текст, как тут...

– Слышишь? – озабоченно спросила меня подруга, да еще таким блеющим голосом, что у меня затряслись колени.

– Ч... что? Что слышу?

– Вот это.

Мы обе замолкли. Я напрягла слух.

– Кать, да тебе вечно что-нибудь кажется! – возмутилась я, ничего не услышав, но здесь и впрямь от входной двери донеслось какое-то шуршание.

– Тсс! – приложила Катька палец к губам и поднялась. Я

вслед за ней.

Вместе мы на мысках потопали в маленькую прихожую. Через секунду я решила, что окончательно чокнулась: из-под двери в наш номер решительно заполз белый лист бумаги, сложенный пополам. Я начала моргать. Лист не исчез.

– Это, наверно, Женька, – догадалась Любимова и, резко прильнув к двери, повернула ключ и распахнула ее. Коридор до самого лифта был пуст. Тогда Катя захлопнула дверь и подняла лист с пола. Развернула его.

– Ну что там? – заинтересованно спросила я, глядя, как у нее удлиняется лицо.

– Что за чепуха? Нет, он у меня получит! – Катерина дерзко смяла бумагу в руке и твердой походкой направилась к друзьям. Громко постучала. Я ждала ее на пороге, вытягивая шею, как жираф. Вот на стук вышел Женья. – Что это значит?

– Что? О чем ты, киса?

– Я тебе дам кису! – взорвалась подруга. Она у меня такая! С ней не забалуешь! – Это ты написал эту бредятину? Что это вообще такое? – Катька сунула Логинову под нос белый лист. Они стояли на расстоянии от меня, но, по-моему, он сморщился.

– Что это за бредни?

– А я про что!

– Солнышко, если бы я писал тебе записку, знаешь, что бы там было – игриво пропел Жека и, приблизив губы к уху подруги, стал нашептывать ей что-то такое, от чего подруга

покраснела и смущенно заулыбалась. Засим они и вовсе принялись целоваться прямо в коридоре, возле двери номера.

– Кхе-кхе! – подала я голос. Миловаться можно и после того, как мы поймем, кто подсунул нам под дверь записку. И кстати, что в ней?

Катька, вняв моему покашливанию, отстранилась и выдвинула новое предположение:

– Может, это Паша написал?

– Хм... Судя по тексту, очень даже мог. Но почерк не его. Пахан! – крикнул в комнату Женя. – Ты писал им записку?

– Чего? – раздалось из глубины номера отдаленное Пашино недопонимание. – Какую еще записку?

– Вот эту! – громко рывкнул Евгений и потряс белой бумагой, как будто Самойлов мог разглядеть, что там, из комнаты.

Он не поленился, вышел на порог и взял из Женькиных рук таинственное послание.

– Ты че, издеваешься? Зачем бы я стал *такое* писать? Обратись в сумасшедший дом, видимо, это оттуда прислали, – от души посоветовал он Катьке, оба друга зашли в номер и закрыли дверь.

Любимова вернулась несолоно хлебавши, полная негодования.

– Черт-те что творится в этой гостинице! Были бы мы в люксе пятизвездочного отеля в центре города, нас бы поливали шоколадом из шланга, а не забрасывали шизонутыми

посланиями!

Она со злостью швырнула мятую бумажку в угол маленькой прихожей нашего номера и гордо прошествовала в комнату, вернувшись впоследствии к книге. Я же не удержалась и подняла с пола загадочный лист. Послание гласило: *«Мыекуешьынф ыуицвтиф м вуынфез срфыицм м зфк-лу мицяду щидишылф. Нф зкицуыг вутэпи»*. Привожу добуквенно, все так и было.

– Кащенко и рядом не лежит, – согласилась я с друзьями, кидая эту дрянь обратно в угол.

Глава 2

На ужин Галина Тимофеевна повела нас в столовую, расположенную в таком лабиринте, что самостоятельно попасть туда было нереально. Наверно, это специально устроили для самозванцев, чтобы, если кто-то случайно забредет в гостиницу, не мог на халяву поесть. Наконец, после кучи поворотов и спусков-подъемов по потайным лестницам, перед нами предстало просторное, щедро освещенное помещение, заставленное длинными столами с накрытыми скатертями. Посередине каждого стола радовала взор маленькая вазочка с искусственными цветами. На окнах были уютные шторы нежного сиреневого цвета. Того же цвета салфетки стояли на столах в специальных фарфоровых подставках.

Мы с Катей сели с краю стола, рядышком, ребята расположились напротив. Возле Катки примостились металлисты, а к Женьке плюхнулась дочка нашего гида Лера, сразу завоевав Катину нелюбовь вследствие ее собственнической натуры.

Когда официанты принесли блюда – макароны с соусом и отбивную из свинины – между Галиной Тимофеевной и дочерью разразился спор. Валерия утверждала, что никому не интересно глазеть на каменных львов, людям хочется отведать чего-нибудь остренького, например, разбить лагерь посреди фонтанов Петергофа, а мать пеняла на то, что как-ни-

как гид здесь она, надо Лере – пусть организует собственную экскурсию.

– Тогда дай мне телефон сменного водителя, Альберта. Пока вы будете колесить по городу, настойчиво палясь в окошко автобуса, я на «Газели» поеду в Петергоф.

– Не выдумывай. Я не отпущу тебя одну в пригород.

– Почему одну? Я соберу свою группу. Наверняка многие здесь придерживаются моей позиции. – И, обернувшись к Жеке: – Вы бы поехали со мной посмотреть фонтаны?

Логинов бросил затравленный взгляд на Катю, мол, не виноватый я, она сама пришла, и закашлялся.

– Что значит – с вами? – уточнил он, отложив на время вилку. – Вдвоем, что ли? Не могу, у меня девушка есть. Боюсь, она поймет нас превратно и четвертует обоих без промедления.

Лерка испуганно вздернула брови, а Катя изобразила на фейсе блаженную улыбочку.

– Зачем вдвоем? – продолжила Валерия. – В «Газели» пятнадцать посадочных мест, включая водителя. Просто надо же с кого-то начинать.

Тут Катка всех удивила, твердо произнеся громким голосом:

– Мы едем. Нас четверо, так и запротоколируй.

Я дернула ее за руку и зашипела в самое ухо:

– Опять началось? Снова ты хочешь втравить нас в опасное приключение?

– Что в этом опасного? – не согласилась со мной подруга и зашептала: – Просто без чуткого руководства Леркиной мамочки мы будем чувствовать себя вольготнее. Знаешь, иногда надоедает жить по расписанию: завтрак – автобус – две минуты личного времени на съемку – автобус – обед – автобус... Тебе ясен ход моих мыслей? А там мы погуляем от души, будет что потом вспомнить. – Любимова и не подозревала, насколько была близка к истине в тот момент. Вспоминать я действительно буду до конца своих дней. – Женька с Пашей поедут с нами, так что бояться нечего.

Поняв, что она вполне справляется с организаторскими обязанностями, Валерия впала в ажиотаж, вытерла губы салфеткой и, отставив тарелку, к которой почти не притронулась, взяла у матери номер телефона неизвестного нам Альберта и унеслась на ресепшн звонить.

Наш с Катей продолжавшийся в ту минуту спор нарушил побитый Жекой металлист, обратившийся к обеим подругам одновременно:

– Я Фалалей. А вы?

В его тоне сквозило явное дружелюбие, что нас немного насторожило. Более того, на сей вопрос возникло отчаянное желание ответить: «А мы нет», так что лучше бы он сказал: «Меня зовут... А вас?», чтобы сразу было ясно, что это странное слово – имя, а не, скажем, национальность. Видимо, мужчине была чужда заурядность, и это становилось очевидным уже по его внешнему облику, стоит ли упоминать

теперь манеру разговаривать и фантастическое имя? Но тем не менее никакой агрессии мы не почувствовали.

– Так-таки Фалалей? – недоверчиво переспросила Катя.

– Да. То есть не по паспорту, конечно, – пустился в откровения загадочный тип, – это мой сценический псевдоним. А это Фелициана, – кивнул он на зелено-черную.

Та кивнула нам:

– Очень приятно.

Надо же. Неотесанные металлисты бывают вполне цивилизованными людьми, когда их никто не пытается дергать за косу. Надо взять себе на заметку, что внешний вид зачастую бывает обманчив, а то я все время это забываю.

Мы назвались.

– Какие у вас редкие имена, – поразилась я.

– Фелициана – это, по-моему, с латинского «счастливая»? – припомнила Екатерина, любящая блистать своей эрудицией. Да и вообще любящая блистать.

– Да, – с райской улыбкой подтвердила догадку женщина, собирая остатки соуса с тарелки кусочком черного хлеба.

– А Фалалей, – пояснил обладатель кольца в носу, – это греческое имя. Означает «цветущая маслина». Круто, да?

– Очень, – не скрывая усмешки, кивнула моя подруга.

– Можете звать меня просто Фаля, а ее Феля.

– Мы так и поступим. – Катины глаза договорили за нее сами: «Ничего другого мы просто не сумеем выговорить, даже если постараемся».

– Когда мы решили образовать свою группу, – радостный от того, что можно кому-нибудь рассказать эту историю, продолжил греческий Фалалей, улыбаясь во весь рот, – то сразу поняли, что имена участников должны быть чудаковатыми.

– Как и вы сами, – тихо пробубнил себе под нос Логинов, смотря в тарелку, который, оказывается, все это время внимательно прислушивался к беседе.

Не замечая издевки, сосед продолжил:

– Группу мы назвали «Фалалей & Фелициана». Я играю на бас-гитаре, рычу на бэк-вокале и сочиняю тексты песен. Феля поет и тоже сочиняет. – Фаля перекинул дохлую кошечку через плечо. – Ударник взял себе имя Аарон, два других гитариста – Гектор и Гедеон.

Я решила из вежливости подключиться:

– А какую музыку вы играете?

– Смесь блэка и готики. Первую пластинку, конечно, пришлось выпускать на собственные средства. Тираж, конечно, небольшой вышел, триста экземпляров. Но после этого какая-нибудь студия обязательно нами заинтересуется!

Жека поднялся из-за стола и выразительно кхекнул, показывая глазами на выход. Доевшая Катя тут же словила намек.

– У вас непременно все получится! – С этим напутствием она по-дружески похлопала Фалю по плечу, мы решительно поднялись и направились за ребятами к выходу.

– Чего он хотел от тебя? – набросился Женька на Катю в коридоре.

– Того же, чего Лера от тебя! – огрызнулась та.

– Она ничего от меня не хотела! Она звала нас всех на экскурсию, вот и все!

– А он хотел, чтобы я купила их альбом, вот и все.

Евгений на это философски изрек:

– Эх, женщины... Загадка природы...

Паша хохотнул, а сами женщины нахмурились.

В номере мы приняли душ, немного почитали и легли спать. Несмотря на сильную усталость, я очень долго ворочалась, не могла уснуть. Почему-то из головы не шла записка. Согласитесь, не каждый день такую встретишь. Эти странные сочетания букв... Единственное, чем подобное объяснялось, – это была шифровка. Но зачем ее подсунули нам под дверь? Дали бы в пару к ней еще и дешифратор, что ли!

Отчаявшись забыться сном, я села. В детстве мы с Катей часто увлекались игрой в шпионов и тоже писали друг дружке зашифрованные послания. Но тогда у каждой был код. А теперь? Как мы прочитаем ее? В любом случае попытаться стоило.

Я потянулась рукой к бра и дернула за цепочку. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила постель Любимовой пустой, а саму подругу сидящей на корточках в углу прихожей, подсвечивающей текст странного сообщения экраном мобильного.

– Что ты делаешь? – подкрадываясь сзади, любопытствовала я.

– А? – испуганно подскочила Катя. – Ах, это ты... Не знаю, может, ты примешь меня за сумасшедшую и будешь при этом, бесспорно, права, но мне вдруг пришла мысль... А что, если это шифровка? И мы должны ее прочесть?

Я рассмеялась.

– Катя, с каких это пор мы стали думать одинаково? Я для того же поднялась. Бери записку и дуй ко мне на кровать, поближе к свету.

– О'кей.

Мы расположились на кровати и принялись изучать бумагу, поднеся ее к свету простенького казенного бра.

– Давай ее проанализируем, – предложила умная подруга. – Видишь один интересный момент? Буква «м» сама по себе попадает аж два раза в такой короткой записке. Создается впечатление, что в ней зашифровали какой-то самый распространенный предлог. Какой, как думаешь?

– Погоди-ка. То есть, выходит, они каждой букве присвоили другую букву?

– Думаю, да.

– Вообще начинать общий анализ нужно не с этого. Во-первых, что мы видим перед собой? – Я повертела в руках лист, поднося его разными сторонами к горящему настенному светильнику. – Обычный белый лист формата А-4. Бумага принтерная, хорошего качества. Почерк торопливый, так что может принадлежать и женщине, и мужчине.

Катя помолчала, глядя на послание, затем молвила:

– Мне кажется, больше похоже на женский почерк. Мужчина, когда торопится, такие каракули выводит... Вообще ничего не прочтешь. А тут, как нарочно, быстро, но тщательно выводили буквы, понимая, что одна описка, и смысл может исказиться. Что ж, если ты не собираешься сейчас снимать отпечатки пальцев с этой бумажки, позволь, я продолжу, лады? – с иронией подколола меня подруга. Мне пришлось отдать ей листок, так как необходимого для дактилоскопического исследования оборудования у меня все равно с собой не было. – Как мы уже убедились, бумага самая обычная, поэтому следует сконцентрироваться на самом тексте. Я думаю, «м» – это либо «и», либо «в», либо «у». Что скажешь?

– Необязательно, – поразмыслив, сказала я. – Есть еще местоимение «я». А также из предлогов – «о», «к», «с»...

– Да, но взгляни внимательнее. Через два слова «м» повторяется. Два раза подряд «я» не может быть, должен стоять знак препинания.

– Кать, когда человек торопится и если у него нелады с азами грамматики, он их может просто проигнорировать.

– Ага? После слова «щиудшылф» стоит точка. И после последнего слова она также присутствует. И оба предложения начаты с заглавной буквы. Почему бы тогда человеку не поставить дурацкую запятую там, где она нужна? Нет, я полагаю, это такой союз или предлог, который употребляют подряд без запятой. Допустим, «и». Я и Юля пошли в лес и со-

брали грибов и ягод. Видишь, три раза подряд «и» без запятых.

– Только с точки зрения стилистики это не слишком неудобчитаемо звучит, – заметила я.

– Не вредничай, будем исходить из того, что шифровку подбросил нам не филолог, а простой среднестатистический гражданин. Дальше «в». Это совсем элементарно. Пример. Юля лежит **в** постели **в** номере **в** гостинице. – Катька так доступно умеет объяснять некоторые вещи, что я всерьез расстраиваюсь, стоит подумать о том, что бедные ученики никогда не заполучат такую чудесную учительницу. Я зааплодировала. – Да брось. Наконец, «у». Та же история, что и с «в», но звучать будет еще отвратительнее. Возьми ручку у монитора у стены. Конечно, здесь следует заменить одно из «у» на «возле».

– Или вообще сказать «у монитора, который стоит у стены». Тогда у нас появится запятая. Следовательно, от «у» мы откажемся, уж больно некрасиво звучит несколько раз подряд без запятых. Зато добавляем предлог «с». Мы расстаемся с вами с самым первым рейсом. А-а, тут два слова... Тогда «с вашей подругой с самым первым рейсом».

Катя хихикнула.

– Годится. Но от «к» и «о» откажусь. Просто не могу придумать, где бы они присутствовали без знака препинания и через два полноценных слова. Что ж, у нас имеются «и», «в» и «с». Далее, сморим, где еще попадется это «м».

А с «м» начиналась сама записка, первым словом которой было «мыекуешьынф».

– Ну-ка, думай, – подзадоривала меня подруга. – Есть ли слово в одиннадцать букв, начинающееся на «и»? – Я пожала плечами. – Ну, давай же! Придумай!

– Отстань от меня! Сама придумывай! И вообще, уже спать давно пора, завтра вставать рано, а я устала!

– Хочешь сказать, что ты сможешь уснуть? – Я нахмурилась и покачала головой. – Вот. И я тоже – нет. Так что, думай, думай, шевели мозгами! Ну! Что это может быть за слово?

– Иглоукалывание, – выдала я через пятнадцать минут.

– Ты что, издеваешься надо мной? Считать не умеешь?

– Но я не знаю других слов на «и»! – стала я оправдываться. Глаза жутким образом слипались, приходилось растирать их пальцами каждую минуту. А еще рот постоянно пытался зевнуть, я еле его сдерживала. Наконец еще через двадцать минут гробовой тишины, временами разбавляемой звуками шевелящихся извилин, я выдала: – Иглотерапия!

– И что тебя все в одну степь несет?

– Но ведь одиннадцать букв!

Катка стала внимательно изучать текст письма, затем покачала головой.

– Нет, явно не это слово. Оно заканчивается на «нф», а второе предложение в записке тоже начинается с этого загадочного «нф», после которого идет пробел. Стало быть, это

целое слово. А если «мыслеушьыньф» – это иглотерапия, то что это за слово – «ия»?

– Нет такого, – пригорюнилась я. – Подожди. – Я забрала из Катиных рук бумагу. И тут меня озарило: – Первые два слова заканчиваются на это странное «ньф». И еще «ньф» живет само по себе в начале второго предложения. Вот он, след!

– Да, – заинтересовалась Любимова. – Что же это за «ньф» такое? – Я вторично пожала плечами. – Я сегодня не усну, – пожаловалась мне подруга.

– Уже и не надо, – кивнула я на часы, со всей серьезностью утверждающие, что через три часа нам нужно вставать. И это притом, что мы так и не поспали.

– Верно. Значит, абстрагируемся от всех остальных слов и мыслим только над тем, что за две буквы представляют собой автономное слово, притом заканчивают десятки других слов. Разгадаем эту загадку – прочитаем все послание.

С этим Катька перебралась на свою постель, мы улеглись поудобнее, но никто из нас и не думал окунаться в сновидения. Мозг занимали лишь эти две буквы «ньф». Слов из двух букв масса – «мы», «ты», «фу», «же», «уф», «но»... Только вот на какое из них часто оканчиваются слова?

«Но»! Возьмем любое наречие – беспрепятственно, радостно, великолепно, грустно...

Я подскочила, врубила свет и сцапала со стула записку. – Что-то придумала? – тут же откликнулась подруга, вскакивая на ноги, точно солдат по приказу «Рота, подъе-ем!».

– «Нф» может быть «но», – ответила я, вновь перечитывая замысловатое послание.

– То есть «н» так и оставили как «н»? Непохоже.

– Наоборот, это логично, – принялась я спорить. – Чем придумывать каждой букве иное значение, проще переиначить лишь половину, тогда все равно смысл исказится до неузнаваемости.

– Да, но есть шанс абсолютно запутаться, какие буквы переиначили, какие оставили как есть...

– Тоже верно, – сдалась я и загрустила.

– Ладно, спокойной ночи.

– Да уж, – усмехнулась я: спать осталось два с половиной часа.

Однако, несмотря на мою усмешку, мы обе действительно уснули.

Дверь сотрясалась от богатырского стука. Я вскочила с постели. Так, будильник звонил, но мы его синхронно проди-намили, словно сговорились. Накинув халат, ринулась к двери. Открыла.

– Ну вы где там? – ополчились на меня парни. – Ты что, в таком виде на экскурсию собралась?

– Извините, мы проспали. Сейчас! Мы мигом!

Я захлопнула дверь и бросилась ко второй кровати.

– Любимова, вставай! Кончай дрыхнуть!

– Угу, – пробубнила та и отвернулась к стене.

– Любимова! Подъем! – грозно прорычала я и затрясла ненаглядную подружку за плечи.

– Ну-у...

– Я тебе дам ну! Нас уже ждут! На завтрак осталось пятнадцать минут! А через двадцать пять уходит автобус!

Катерина сморщилась и откинула одеяло.

– Мне нельзя быстро подниматься. У меня гемоглобин понижен. Когда я тут же вскакиваю, у меня начинает кружиться голова и возникает такое непонятное ощущение, точно там чего-то не хватает.

– Может, мозгов? – не удержалась я от шпильки, дабы привести Любимову в боевое состояние.

– Ах так?!

Она тут же вскочила на ноги и кинулась в меня подушкой.

Завтрак мы пропустили, на ходу впихнув в себя пару крекеров, зато на первый этаж спустились вполне сносного вида дамами. Катюха, как всегда, в мини, в сетчатых чулках и на каблуках. Я же в джинсах, водолазке, джинсовке и в кроссовках.

– Готовы? – встретили нас у лифта друзья. – Идите отмечаться к Галине Тимофеевне.

Логинов и Любимова слились в нежном поцелуе (это у них вместо «привет»), а Паша, заразившись этой фигней, взял меня за руку. Подойдя к женщине в свободном зеленом костюме с табличкой на груди, мы назвали фамилии, а Галина Тимофеевна их отметила галочкой.

– Так, из группы остались еще Иванова, Гайдученко и Сидоров. Где их носит? Почему постоянно опаздывают? – бушевала гид, протирая специальной салфеткой свои очки в неказистой роговой оправе, а мы покраснели, хотя «постоянно опаздывают» к нам нельзя было отнести, потому что по натуре мы были дисциплинированными девицами. Если Катька и любит опаздывать, то не более чем на шесть с половиной минут, но, когда мы вместе, я этого не допускаю.

– Пока их нет, пойдемте сфоткаемся на крыльце! – предложила воодушевленная Лера, поглядывая на мать.

– Давай лучше здесь, на фоне ресепшн, – подскочила к ней полная девушка со светлыми волосами, по-моему, ее подруга.

За стойкой ресепшн находились две обходительные молодые женщины, владеющие как минимум тремя языками в совершенстве. Стены и сама стойка отделаны бежевым пластиком под дерево. Высоко, ближе к потолку, висят одинаковые часы, четыре штуки, показывающие время разных поясов – Лондон, Москва, Токио, Нью-Йорк. Вокруг, вдоль стены, расположились пять прелестных диванчиков с кожаной обивкой.

– Нет, – сморщилась дочка гида, – давайте лучше на улице. Там светлее и вообще красиво. А здесь че?

– Вы идите, а я здесь остальных подожду, – ответила Галина Тимофеевна.

– Нет, ну что за групповой снимок без воспитательни-

цы? – сыронизировала дочка.

– Подожди тогда. Вон кто-то из лифта вышел, они вроде. Я их отмечу и пойдем на улицу.

– А мы можем и сейчас пойти, – выдвинул предложение Женька, глядя на нас троих.

Тимофеевна услышала:

– Да, вы пока можете идти занимать места в автобусе. Он светло-зеленый такой, за углом стоит. Номер 807.

– Хорошо, спасибо.

Мы четверо и те, кто тоже услышал (еще человек пять), вышли на улицу. Порог гостиницы был широким, имел две высокие ступени. Двери были зеркальными, рядом стояли кадки с зелеными кипарисами. Наверху большая вывеска с названием гостиницы. Мы спустились со ступеней и только направились к автобусу, держа курс на угол здания, как нас догнала девушка с черным каре.

– Погодите! Я так помню, вы хотели со мной поехать в Петергоф?

– Да, – неуверенно произнесла Катька. Затем, набравшись храбрости, сказала уже тверже: – Да, а что? У вас уже все готово?

– Да, но придется пропустить мамину экскурсию. Ой, простите, Галины Тимофеевны, – поправилась она, как будто мы не знали, кем она ей приходится. Почему-то это детское смущение бесповоротно расположило нас к молоденькой девушке. Неожиданно для себя я улыбнулась ей. – Альберт позво-

нил мне, сказал, что уже едет к нам. Я набрала, включая вас, одиннадцать человек. И плюс водитель. Так как вы лишаетесь той экскурсии взамен этой, то ничего доплачивать не нужно, это понятно?

Мы кивнули. Девушка в тот момент удивительно напомнила свою маму. Было ясно, если в выборе профессии она пойдет по стопам родительницы, то ей это отлично удастся.

Жека спросил:

– А когда вернемся?

– Вечером. Поздно. Никто, надеюсь, не боится? – шутливым тоном поинтересовалась Валерия.

– Не-ет! – заверили храбрые Логинов и Любимова с самоуверенными ухмылками на лицах.

– Нет, – молвил Паша с таким выражением лица, словно его спрашивали, имеет ли он алиби на момент убийства Влада Листьева, и этот отрицательный ответ мог привести его прямоком в тюрьму.

Воцарилась тишина. Все посмотрели на меня. Как на самую трусиху, блин!

– Да не боюсь я, отстаньте!

Катька наклонилась к уху новоявленного молодого гида и доверчиво зашептала:

– Она у нас часто в обмороки падает. Но вы не волнуйтесь, все заботы о ней я беру на себя.

Я лишь зарычала, так как возразить было нечего.

Вдалеке показалась белая «Газель».

– О, это Альберт! – обрадовалась Лерка и стала собирать нас на крыльце гостиницы. – Мам, не уезжай! – крикнула она Галине Тимофеевне, уже намеревавшейся сесть в светло-зеленый автобус, выехавший из-за угла. – Щелкни нас на мой фотик! Это моя первая группа!

Галина Тимофеевна подошла к нам и взяла из рук дочери фотоаппарат. Я стала озираться вокруг себя, дабы иметь представление о том, что за народ будет окружать нас целый день. И тут...

– Не меня ли высматриваешь?

Я обернулась... и лишилась сознания.

Глава 3

– Я вас предупреждала, она у нас такая... – квохтал надомной Катькин голос, приводя меня в чувство. Затем мне помогли подняться Логинов и все та же Любимова. Самойлов же смотрел куда-то за мою спину негодующим взглядом.

– Вы что, знакомы? – недовольно проворчал он.

– С кем? – не поняла я и обернулась.

Вот блин!... Значит, не галлюцинация. Передо мной предстал давешний негр, который, несмотря на свои корни из племени тумбо-юмбо и непривычное для уха российского человека имя Абдулла-ибн-Саид-агы, превосходно говорил по-русски. И где научился? В университете имени Патриса Лумумбы?

Негр стоял во всей красе, гордо демонстрируя свой рост в двести тринадцать сантиметров и белоснежные зубы, которые, казалось, должны светиться в темноте, как спецодежда инспекторов ГИБДД.

– Простите, я до сих пор не знаю вашего имени, – обратился он ко мне. Я задумалась: или негр был глух и просто не расслышал слово «Кукарача», или он, мало того что владел русским языком настолько чудесно, что говорил без акцента, так еще и не был умалишенным и сообразил, что насчет имени я пошутила. Наверно, вдумчивость всецело отразилась на моей мордашке, ибо темнокожий парень спросил с намеком

на беспокойство: – Вы что, забыли? Свое имя?

– Подождите, я загляну в паспорт, чтобы не напутать, – огрызнулась я, проявляя чувство юмора.

– Но ведь не Кукарача?

– Нет, не Кукарача, как ни странно.

– Она Юля, – суровым тоном молвил Павел, сверля негра пронизательными карими глазами. – А вы, собственно, сами кто? – И, не дожидаясь ответа: – Чьих будете? Чьих, холоп, спрашиваю?!

Невзирая на дерзость русских, африканец мило улыбнулся.

– Да, тоже люблю этот советский фильм.

– А что, – удивилась я, – в Африке транслируют наши советские фильмы?

– Не знаю, вряд ли. – И продолжил как ни в чем не бывало: – Я коренной москвич, играю в баскетбольной команде. Здесь на экскурсии, так же, как и вы, только в другой группе. Ко мне в фойе обратилась вот эта милая девушка, – показал он на Леру, – с предложением поехать в Петергоф. Я никогда там не был, но очень бы хотел посмотреть. Говорят, красиво. А вы были?

– Нет еще.

– А вам какое дело? – одновременно со мной прокричал Самойлов, желая наброситься на гиганта и наcostылять ему. Впрочем, это еще кто бы кому наcostылял...

Не знаю, чем бы окончилась эта словесная перепалка, ес-

ли бы не вмешалась Валерия.

– Иннокентий, – обратилась она к негру, – вы говорили, что вдвоем? Где же ваша пара?

– А вон он, – кивнул коренной москвич чуть в сторону. Там стоял... Ну ни фиги себе! Я даже глаза протерла. Там стоял настоящий индеец. Он был пожилым, маленького роста, в седых волосах – перья, из одежды – только грязно-серое мешковатое пончо из непонятной ткани. На ногах – сандалии из шкуры убитого медведя. На щеках две красные полосы, нанесенные какой-то краской. Да что за компания собралась такая, а?

Подходя, престарелый индеец наклонился перед нами, упершись ладонью в землю, затем молча, выпрямившись, прислонил ее ко лбу. Это что-то вроде приветствия у краснокожих? Хм, интересный обряд.

Лерина подруга закатилась от смеха и повалилась на асфальт, стуча по нему кулачками.

– Свет, перестань, это некрасиво, – сдерживая улыбку, сказала ей подруга. – Ну ладно, все, кто едет со мной, становитесь в два ряда на крыльце! Хочу, чтобы у меня был снимок на память о моей первой самостоятельно проведенной экскурсии и обязательно на фоне гостиницы!

Мы разместились: кто внизу, возле ступенек, а кто на крыльце, во втором ряду. Галина Тимофеевна только собралась нажать на кнопку, предупредив всех, что сейчас вылетит птичка, как тут из подъехавшей «Газели» вылетел муж-

чина лет сорока, одетый, несмотря на прохладу, в одну лишь футболку, и втиснулся во вторую шеренгу рядом к Катьке. Я же стояла с другого бока, возле Леры. Галина Тимофеевна нажала на кнопку и, передав дочке ее фотоаппарат, унеслась в светло-зеленый автобус, который тут же отчалил в путь.

– Итак, давайте знакомиться, – предложила Валерия. – Малинова Лера, ваш гид на сегодняшний день.

– Светлана Барская, – представилась ее подруга, неодобрительно поглядывая на индейца и негра Кешу, которые вместе смотрелись ну очень колоритно. Мелкий пузатый индеец дышал баскетболисту в прямом смысле в пупок.

– Фалалей. Или просто Фаля.

– Фелициана. Или просто Феля.

Мы в свой черед тоже представились.

– Агата Никитична, – назвалась тетка лет шестидесяти, невысокая, полная, с уложенной вокруг головы косой. Я точно видела ее в Эрмитаже, значит, тоже из нашей группы. Стало быть, из пришельцев лишь вышеозвученные темнокожий и краснолицый братья наши. – Я была известной в свое время пианисткой, – затараторила мадам. – Исполняла Моцарта на сцене Большого театра! Мне завидовал сам...

– Это никому не интересно, – бесстыже перебила взрослую женщину малолетка Света и пристала к негру, не пряча злую усмешку: – Гораздо любопытнее узнать про господина из Южной Африки. Расскажи нам, пожалуйста, про себя.

– Я никогда не был в Южной Африке, – миролюбиво ото-

звался псевдо-Абдулла. – И в Центральной тоже. Я родился в Москве. Зовут меня Иннокентий.

– Негр Кеша – это что-то! Ха-ха! А фамилия, наверно, Черных? – продолжала глумиться девица, а Лера дернула ее за руку, мол, неприлично.

– Нет, Александров. Но, может быть, обойдемся без фамилий? И тем паче без отчеств. Мне всего-то двадцать шесть.

– А когда я играла нашего советского композитора Шостаковича, то сам директор театра наградил меня бронзовой... – пустилась в воспоминания Агата Никитична, но ее никто не слушал, потому не берусь утверждать, что там ей такое подарили.

– А ваш друг? – кивнула Света в сторону индейца.

– Орлиный Глаз, – с полной серьезностью и даже с какой-то неопишуемой важностью представился тот всем нам, сделав вперед три твердых шага.

– Ах, ну да! – рассмеялась Барская, дескать, как это я сама не догадалась.

– На самом деле, – сказал Кеша, – на языке древних ацтеков его имя звучит как Куаюнютанок, или как-то так. Орлиный Глаз – это перевод, чтобы вам было удобно. Правду я говорю, брат мой? – Орлиный Глаз величественно кивнул.

Я лишь жалась к Катьке, пугаясь надвигающейся действительности. Провести целый день бок о бок с этими странными людьми! Что мне с моей социофобией предстоит выне-

сти? Одному Богу известно.

– Ладно, это все мы выяснили, – резюмировала Лера. – А водителя зовут Альберт Семенович Морозов, прошу любить и жаловать. – Альберт, имеющий едва намечающуюся лысину среди темно-пепельных волос, шутливо поклонился. – Ну что, пройдем на борт? Да, Альберт?

– Конечно!

Мы загрузились в «Газель». Когда отъехали на приличное расстояние (все это время публика пожирала глазами неординарных членов бригады Иннокентия и индейца, а Агата бубнила себе под нос встречу с директором Большого), Катерина не выдержала и полезла в сумочку, выудив оттуда записку с непонятными словами.

– Ты ее с собой потащила на экскурсию? – удивленно зашипела я.

– Как видишь. Может, нам умник Логинов что-нибудь подскажет.

– А? – обернулся он к нам с предыдущего сидения.

– Жень, придумай мне, пожалуйста, что это за «м» и «нф» в записке. – Катя протянула ему загадочный листок.

– Так я и знал, что ты не уймешься с этой шифровкой, – обреченно поговорил тот, принимая его. – Фигня, – подытожил друг через пару минут пристального изучения и вернул бумагу владелице.

– А дайте я попробую! – активизировался Павел.

– Ты что, собрался расшифровать строго засекреченное

послание? – уставился на него Логинов. – Не смеши. Наверняка этот Штирлец предназначал текст не нам, стало быть, и братья нечего.

– Я умею расшифровывать! – стал настаивать на своем Самойлов. – Дайте мне бумажку! Живо!

– Ну ничего себе, – подивилась Любимова Пашиной напористости и послушно всучила ему в руки то, что просил.

– Так-так-так-так... – Паша озадаченно почесал затылок и выдал: – Мне нужен компьютер!

– А мне пластиковые окна, что дальше? – оскалился его дружбан.

– Нет, мне нужен компьютер, чтобы разгадать послание!

– Ничего, вот приедем в Петегроф, там между дворцом и центральным фонтаном Интернет-кафе расположилось прямо на травке.

– Прекрати смеяться! – обиделся Паша.

– Паш, ты что-то придумал? – обратилась к нему Катька, которая, по-моему, уже ни о чем ином и мыслить не могла, кроме этой чумовой записки.

– Пока не знаю. Вот получу комп – сразу скажу, придумал или нет!

– Паша, компьютер будет только дома! – в отчаянном испуге выпалила Катерина. – А мне нужно сейчас!

Здесь «Газель» затормозила, съехав на обочину. Лерка выскочила из машины, бегом отправилась к серому кирпичному дому, размахивая рукой с фотокамерой, и спряталась

за дверью с вывеской «Фото, ксерокопии, печать».

– У них компьютеры должны быть, – осенило меня. – Паш, можешь сбегать и посмотреть, что тебе нужно.

– Ага, – воодушевился друг и заелозил на сиденье, что-то ища.

– Ну что ты тут ручками шелудишь? – возмутился Жека, когда Пашины шаловливые ладони, прощупав себя и свое сиденье, принялись за друга. – Грязный мальчишка, мы в приличном обществе!

Мы с Катей захихикали, а Паша недовольно проворчал:

– Кончай бухтеть, я серьезно! Мне нужна бумага и ручка.

– Бумага у тебя в руках. А ручка – вот она, – достал он из кармана пишущий инструмент и безукоризненно улыбнулся, – нужно было просто попросить. – Когда тот метнулся к выходу, сломав попутно ручку от двери, Женька, покачав на друга головой, обернулся к нам: – Катенька, не хочешь со мной пока посидеть? А то я соскучился!

– Что? – выдернулась Катька из дум о записке. – Нет, Жень, мне не до этого.

– Блин, ну что ты так пристала к этой бумаге? Вот тебе совет. – Мы с Любимовой тут же приободрились, так как давно побуждали Логинова проявить смекалку относительно интересующего нас предмета, но он все отшучивался. И вот теперь решился высказать свою точку зрения. – Коли не можешь понять, что в ней, найди того, кто ее написал, тогда и придешь к значению этих тупых букв. Не всегда нужно дви-

гаться прямолинейно, не забывай о том, что существует метод «от обратного».

– Солнышко, я помню об этом методе, но в данном случае он нужен как собаке гармонь. В гостинице четыре этажа, на каждом по три десятка номеров. Тот, кто подбросил ее, мог успеть скрыться в лифте, а значит, это может быть кто угодно.

– Нет, киса моя ненаглядная. Я живу к лифту ближе, чем вы, и с уверенностью могу заявить, что до того, как ты постучалась в мою опочивальню, никто туда-сюда не ездил по крайней мере минут десять. У меня отличный слух, можешь мне поверить.

Катерина выдохнула.

– Хорошо, уже легче. Остается всего тридцать номеров. В каждый будем стучать?

– Предлагаю начать с тех, кто непосредственно с нами контактирует, это значительно сужает круг поисков, не находишь?

Я подключилась к диалогу, зачарованно смотря на Женьку:

– У тебя что... – понизила голос до шепота, – есть кто-то на подозрении?

Логинов выразительно мне подмигнул и тихо сказал:

– Клянусь вам, что видел мистера Большая Нога на нашем этаже еще вчера.

– Кого? – не поняла я.

– Ну... как там его... – сморщился Женя. – Соколиный Клюв?

– Орлиный Глаз! – громко поправила его я и только по тому, как изменились лица друзей, поняла, что натворила.

– Говори, бледнолицая! – смело молвил старик индеец, решив, что я к нему обратилась. Все пассажиры и водитель со злорадством уставились на вашу покорную слугу, ожидая ее сиюминутного провала и следующего за этим вечного позора.

Сама же позорница рискнула поднять глаза на суровое разукрашенное лицо мужчины в мешковатой одежде, лихорадочно соображая, что бы произнести. Его маленькие глазки выжидательно смотрели на меня, почти не моргая.

– Э-э... м-м... А вы на каком этаже расположились, товарищ Орлиный Глаз? – дрожащим голосом решила я прояснить ситуацию перед неотвратимой гибелью.

– Полдюжины подъемов, разделенных площадкой, и поворот туда, где поднимается красно солнце! – без запинки отрапортовал человекоподобный субъект, что натолкнуло меня на мысль, а не готовил ли он эту речь заранее?

– Шесть подъемов? То есть третий этаж? – переспросила я, но индеец точно ушел в транс, за него ответил мой знакомый Кеша:

– Он не признает лифты, потому поднимается пешком. Да, третий этаж.

– Где вы его откопали, негр Кеша? – поинтересовалась

Светлана, которая, я смотрю, особо не трудилась выбирать выражения, общаясь даже с незнакомыми людьми.

На слово «негр» негр никак не среагировал и ответил, как всегда, добродушно улыбаясь:

– Мы познакомились в столовой, два дня назад. Он приехал сюда из Воронежской области, чтобы посмотреть город.

– Что вы говорите... И чем же питается сей народ?

– Маис, бобовые, тыква, какао, агава, картофель... – принялся тот перечислять, поражая нас своей осведомленностью. Точно сам среди них вырос, ей-богу. – Вообще индейцы были самым трудолюбивым народом, а в пахотном и огородном деле их никто никогда не превзойдет, поверьте мне.

– Белое мясо табу! – резко выкрикнул индеец, на пару мгновений вернувшись в реальность, и все мы подпрыгнули на своих местах.

– Разве индейцы не едят мясо? – вдумчиво сказал Женька сам себе, но Иннокентий услышал и ответил:

– Он происходит из древнего малочисленного племени, родственного ацтекам, раньше они жили там, где сейчас Мексика. Когда Кортес пришел завоевывать их земли, они ушли в горы, спрятались, так и выжили. Их племя отличалось тем, что они не делали человеческих жертвоприношений и в большинстве своем были вегетарианцами, а птицы вообще у них считались священными животными. Так и они и вымирали потихоньку, пока не осталась одна семья, в которой и родился наш гость. Когда он был молодым, семья

перебралась в Россию: в Мексике процветает безработица, большинство живет в нищете. Они поселились в деревне в Воронежской области, где очень плодородные земли. Выращивали продукты на продажу, а также плели изделия из соломы. Для русских это в диковинку – покупать что-то у настоящих индейцев, так что дела шли хорошо. Орлиный Глаз очень чтит своих предков и старается вести тот образ жизни, что вели древние соплеменники, поэтому так одевается. К тому же он подрабатывает фотографированием с желающими, для такого заработка подобная экипировка просто необходима. Вот... Детей у него нет, родители умерли, вот так он остался последним представителем своего племени на планете.

– Без мяса долго не протянет, – включился в беседу водитель, видимо, тот еще мясоед.

– Протянул же как-то до сих пор, – поспорил Логинов, затем обернулся к нам и зашептал: – Сдается мне, история выдумка. Мужик всего-то придумал себе сценический образ и для этих целей ездит по туристическим местам. Фото на память за деньги – видимо, единственная правда в рассказе...

Сам Куаюнютануок, или как там его имя, хранил гордое, поистине индейское молчание.

Лера вернулась с бумажным пакетом в руках и села в машину. Павла с ней не было.

– Я помню, как-то в Одессе меня позвали сыграть Глинку, основоположника русской классической музыки... – так как

все замолчали, то лепет Агаты стал слышен.

– А почему вы не поехали с Галиной Тимофеевной? – спросила ее Света расстроено, ничуть не стесняясь показывать, что присутствие дамы ее тяготит.

Неожиданно та отвлеклась от воспоминаний (или фантазий?) и ответила на вопрос:

– Не могу, у меня слабое здоровье. Астма и порок сердца.

– А зачем вы тогда поехали с нами? – искренне недоумевала Валерия, ведь, если что, отвечать придется ей. – Вдруг вам плохо станет? С фонтанов мы вернемся только поздно вечером.

– А мы разве не в санаторий едем? – с искренним негодованием спросила Никитична.

– Хм... Нет, мы вообще-то едем в Петергоф.

– А я думала, это название санатория...

– Павел Самойлов вам случайно не родственник? – громко спросил насмешник Женька, и я в тот момент была с ним солидарна. Всамделишно странность пожилой женщины могла объясняться лишь так.

– Павел? Нет, у меня есть сын, но не Павел. Но я не помню кто. Но точно не Павел. А в Белоруссии, когда еще был СССР, я играла Шопена.

Орлиный Глаз схватился за голову. Сперва он считал себя самым чудаковатым персонажем и весьма этим гордился, а тут вон оно что... Стоит ли упоминать, что на Фалю и Фелю никто уже не обращал внимания, как было в первый

день приезда на ресепшене. Сейчас они смотрелись как свои в доску.

Лера невероятно огорчилась. Она надеялась, что ее первая экскурсия пройдет по высшему разряду и все будет как по маслу, а тут на тебе: индейцы, негры, металлисты и свихнувшаяся пианистка. Наш Павел в этом таборе позорно терялся, приравниваясь к статусу заурядного человека. Мне стало жаль девушку, и я тихим голосом сказала ей:

– Лера, вы прекрасно справляетесь.

Малинова услышала, благодарно улыбнулась и одними губами ответила:

– Спасибо.

Здесь прибежал Самойлов, влетел в «Газель» подобно тайфуну, но, закрывая дверь, наткнулся на неприятную неожиданность:

– У вас тут ручка сломана.

– Да, потому что вы ее сломали, – сдержанно произнес Альберт.

– Я?!

Женька с тяжким вздохом поднялся и закрыл за другом дверь. Оба уселись, транспорт тронулся.

– Сумасшедший дом, – прошептала мне на ухо Любимова. Я согласно закивала. Что же ждет нас дальше?..

А дальше нас ждал прекраснейший дворцово-парковый ансамбль, знаменитый своими уникальными фонтанами.

«Газель» въехала на стоянку и остановилась. Двенадцать человек вышли под мелкий морсящий, но уже сходящий на нет дождик, вооруженные зонтиками, и направились ко входу в «Русский Версаль», как точно подметили некоторые историки про Петергоф.

Валерия поговорила о чем-то с кассиршей, и нас впустили на территорию. Сразу по правую руку расположился желто-белый дворец, мимо которого мы и держали путь, а слева две лестницы вели вниз, в Нижний парк. Лера, не забывая о возложенных на себя полномочиях, тут же стала проводить экскурсию. Под ее заученное, но вместе с тем воодушевленное бормотание мы и сошли вниз, а оказавшись в самом парке, тут же начали фотографироваться. Я почти что влюбилась в красавца Самсона, оттого принялась позировать на Пашину камеру самыми непривычными способами. То села на фоне фонтана, то встала на одну ногу, потом на другую, а затем и вовсе на голову, упираясь ладонями в грязную землю, а пятки прижала друг к другу, оттопырив колени и став похожей на гигантский ключ от замка. Самойлов одобритительно улюлюкал и радостно фиксировал на прибор для съемки все перемещения моего спятившего туловища.

– Посмотрите на Юльку! – дивилась моя подруга. – С ума она, что ль, сошла?

– Ничего и не сошла, – кинулся меня защищать Павел. – Лучше стоять на голове, чем пытаться людей дурацкой запиской! И вообще, от такой красоты запросто свихнешься. Я вот

тоже чуток не в себе.

– Да? – усмехнулась Катя. – А в ком же ты, позволь узнать? Надеюсь, не в Боре Моисееве?

Все засмеялись.

– Это пошлая шутка! – огрызнулся Самойлов, тыча в Любимову пальцем.

– Я знаю, – невозмутимо пожала та плечами.

– Паш, подними меня, – попросила я. Куда уж там! Он реально завелся, стал бегать по кругу и махать руками, показывая свое возмущение:

– Иногда ты бываешь невыносима! Что за плоские шуточки? При чем здесь Моисеев? Я не из таких!

– Хорошо, как скажешь, – продолжала ухмыляться Катя.

– Жень, помоги мне принять нормальное положение, – все еще стоя вниз головой, обратилась я уже к Логинову, не сводящему восхищенных глаз со своей возлюбленной – уверенной в себе женщины-вамп. Он не услышал.

Я стала заваливаться вбок, но в последнюю секунду помощь пришла в лице негра Кеши, очень бережно взявшего меня за талию и поставившего на ноги. А впоследствии даже давшего мне свой платок, чтобы вытереть грязные руки.

– Thanks, – по привычке сказала я на английском.

– Некоторые негры понимают русскую речь, – с намеком на укор ответил мне Иннокентий.

Я покраснела.

– Извините.

– Ну что, идем дальше? – предложила предводительница стаи Малинова Валерия.

В течение последующего часа с лишним мы любовались достопримечательностями Нижнего парка: Римскими фонтанами, Шахматной горой, лживыми тюльпанами, скамьями и елями, к которым стоит лишь подойти – тут же обдают прохладной струей воды. Впрочем, были деревья и настоящие, высокие, зеленые, словно говорящие: «Здесь осень пока не наступила!». Дождь совсем перестал, а в воздухе витала приятная свежесть, облегчающая дыхание. Жалела ли я в тот момент, что в такой необычной компании приехала сюда? Ни на миг. Я была вполне счастлива. Павел ходил за мной хвостом, чувствуя свою вину теперь за то, что не поднял меня, то есть своими руками передал супостату из Африки, и старался загладить сей промах любыми, даже глупыми поступками и словами.

Как то:

– Ты такая красивая!

Или:

– Хочешь, я подарю тебе часть Финского залива и пару сотен светящихся над ним звезд? Хотя и миллион самых ярких не заменит сияния твоих прекрасных глаз!

И т. п. Я лишь морщилась, ибо одно дело, когда мужчина говорит тебе это просто так, другое – когда ты знаешь для чего. Чтобы простили. Тем более из Пашиных уст все комплименты неизменно звучали как оскорбления. Вот не умеет

человек подобрать подходящий случаю тон, и все тут.

– Давайте организуем пикник! – придумала Лера.

– А здесь можно? – удивленно спросила идущая рядом с ней Феля.

– Здесь – нет. Но можно выйти к заливу. И ни в коем случае нельзя сорить!

– Ты говоришь, как мой папа, – скуksилась подруга Валерии Светлана. Мы как раз подошли к фонтану, где мраморный юноша стоял посреди бассейна, приложив руку к белой мускулистой груди и чуть отставив ногу. Фонтан назывался «Адам».

Катя тут же внесла сногшибательную идею встать всем так же, как и он, и на фоне этого фонтана сделать групповой снимок. Задумку поддержали все, за исключением индейца. Наверно, он просто не понял, о чем речь. Тогда Паша подлетел к нему с фотокамерой и стал объяснять, куда нужно нажать, чтобы вылетела птичка, не забывая вставлять в пропитанную эмоциями речь излюбленное «андестэнд», точно индеец английский понимал куда лучше русского. Наконец Большая Нога, ой, простите, Орлиный Глаз понял, чего от него хотят, и сделал довольно качественный снимок. То есть влезли все одиннадцать человек, и никто, как ни странно, не был обезглавлен. Почему-то необычайно радовало то, что персонаж времен Нового Света, покрытый перьями, одетый в пончо и медвежьи лапти, сумел сладить с современной японской техникой, как будто произошло единение культур

разных времен и пространств. В мою голову даже закрались мысли: может, Женька прав и его внешность не более чем маскарад?

– Третий раз здесь, – поделилась Света, – и никак понять не могу: как же они работают, эти фонтаны? Лер, небось, вранье все это, что без электричества?

– Откуда здесь электричество? Сейчас-то еще может, но раньше? – отвергла мысль о надувательстве Малинова, но не смогла внятно объяснить, каким образом работает красота.

Умник Логинов не мог не влезть в диалог:

– Стыдно, девушки. Принцип сообщающихся сосудов. Шестой класс.

– Я прогуливала физику в школе уже с первого занятия, – заявила Барская, точно кичась.

Боже мой, а вот я не прогуляла в жизни ни одного существенного урока, подумать только! Для уточнения: существенные – это все, кроме физкультуры, труда, ОБЖ и всяких там факультативов.

Осчастливленные новыми впечатлениями, путешественники вышли к заливу и расположились на берегу.

Паша постелил под мое мягкое место свою джинсовку, оставшись в одной футболке, это удивительным образом подняло настроение. Нет, я не садистка, просто приятно, когда мужчина чем-то жертвует. Хотя, повторюсь, Самойлов считал, что я на него еще в обиде. Женька с Катькой отсели от общей массы, чтобы спокойно обниматься, чмокаться,

наслаждаться обществом друг друга и видом ровной глади спокойного моря. Наверно, они представляли себе, что находятся на отдаленном от цивилизации острове совершенно одни. К несчастью, мне робинзонствовать мешали девять человек, каждый из которых так и норовил присесть на край Пашиной джинсовки, в том числе и сам Самойлов.

– Давайте выпьем! – прозвучало роковое из уст Фелицианы, вслед за этим из ее пакета вынырнули на землю, накрытую газетой, две бутылки дешевого вина. Все оживленно поддержали идею выпить, тогда она достала из пакета пластиковые стаканчики.

Валерия же взяла с собой салатики в пластиковых коробочках, хлеб и нарезку. Это и послужило закуской. Я сначала отказывалась пить вино, но салат хотелось чем-нибудь запить, а ничего другого не было. Логинов с Любимовой по-прежнему притворялись, что они вдвоем, не подключаясь к банкету.

– Фалька, извини, что я тебя чуть не дернул за косичку! – произнес второй тост Павел. Первый был «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

– Извини, что я тебе нагрубил и чуть не врезал! – чокнувшись стаканчиком с моим другом металлист, позвякивая всяческими побрякушками на куртке.

– Вздروгнули! – поддержал народ тост.

– Я куплю ваш диск, как только вернемся на родину, обещаю! – продолжил Павел налаживать отношения с социу-

мом.

– А я напишу про тебя песню! – вставила словцо Феля, смотря на моего друга влюбленными глазами (однако!) и приглаживая зеленую половину головы.

Мне стало скучно, я поднялась (мое место тут же заняла пианистка, успев поставить подножки другим охотникам за Пашиной джинсовкой раньше, чем они собирались это сделать с ней) и отправилась гулять по берегу одна.

Несмотря на то, что дождь прекратился, в небе над нами набежали громадные черные тучи, напомнив мне о прогнозе погоды: обещали среднего балла ураган. Хотя синоптики врут как... синоптики.

Вдалеке плыл куда-то по своим важным делам большой неторопливый корабль. Я шла вперед, обходя большие валуны и думая о своем. На мелководье копошились забавные коричневато-серые утки. Одна из них осмелилась выйти из воды и дружелюбно на меня посмотрела. Я присела и осторожно, боясь спугнуть птицу, протянула к ней ладонь. Утка сделала шаг в сторону, однако посмотрела прямо на меня робким взглядом, как бы советуя мне предпринять еще одну попытку.

– Не бойся, маленькая. Я тебя просто потрогаю, – успокаивала я живое существо нежным тоном, перемещаясь ближе и снова протягивая руку. Сперва показалось, что утка дозрела до контакта с гомо сапиенс, она стала даже протягивать к моей ладони голову вместе с шеей, но потом вдруг резко от-

прянула, испугавшись чего-то, и быстро отбежала в сторону.

– Вот дура, – сказали за спиной. – Я бы от вас не убежал. Я обернулась, все еще сидя на согнутых коленях.

– Просто вы ее напугали своим приходом. Почему вы за мной всюду следуете?

– Я ли один? – спросил Александров. Явный намек на Пашу.

– С ним мы дружим очень давно, – ответила я, не конкретизируя личное местоимение. И так было понятно, о ком речь. – А вас я знаю второй день. И знаю ли?

– Не прочь с вами познакомиться поближе, – широко заулыбался негр.

– Что вы хотите...

– Нет-нет! – испугался парень. – Неправильно поняли. Ничего неприличного я не имел в виду. – Кеша присел рядом. – Знаете, Юлия, сначала я решил, что вы с ним пара, и уже хотел отстать, но потом я понял, что вы друг другу не подходите и потому не можете быть парой просто по определению.

– Это еще почему?

– Я сам долго не мог понять, – вздохнул молодой мужчина с темной кожей. Присмотревшись к нему, я отчего-то подумала, что среди своих он, должно быть, красавчиком считается. А я вот не знала, что и думать. Нестандартные у них лица. Что поделать – на экзотику меня никогда не тянуло. – Вижу, что-то в вас обоих не то, но не могу понять, что же мне

не нравится, – продолжал тем временем Кеша. – И вот всего пару минут назад, когда вы сидели рядом на этой джинсовке, а я вас двоих разглядывал, то понял-таки, почему вы друг другу решительно не подходите.

– Ну? – поторопила я, так как меня почему-то эта галиматья весьма заинтересовала. С одного бока, все понятно, парень подбивает под меня, неясно чем ему приглянувшуюся, клинья, и очень последовательна в этом случае данная тактика – убедить, что тот, с кем дама на теперешний момент, ее недостоин. Следом пойдет рассказ о том, какой же он крутой и известный баскетболист, сколько же бабок он имеет, и это должно вывести меня на мысль, что стоит поменять одного парня, неподходящего, на другого – подходящего. Такие мысли, как мне казалось, витали у него в голове, и я бы перестала с ним разговаривать в тот же миг, когда это поняла, если бы не одно обстоятельство: помимо вышеизложенного, в моих мозгах застряло кое-что еще. Как я уже говорила, парень был неординарен, а стало быть, такое стандартное поведение во время «подбивания клиньев» для него не может быть типичным. Либо это меня насторожило, либо просто разыграло любопытство, короче, я решила сначала его выслушать, а потом уже послать в... Африку.

И тут он ошеломил меня не по-детски.

– Преобладание контрастности над дуальностью – вот что никогда не позволит вам быть вместе, – представьте себе, сказал он.

– Чего-чего? – вылупилась я, только он собрался пояснить заумную фразу, как со стороны банкета донесся такой душераздирающий шаманский вопль, перешедший в конце в нечто, сильно смахивающее на кваканье, что я подпрыгнула и замотала котелком вправо-влево. – Вы это слышали? Там что-то случилось!

Негр, однако, оставался равнодушен к воплю.

– Нет, там ничего не случилось. Это Орлиный Глаз. Он, когда выпьет, радуется собутыльников фольклорными песнями. Садитесь, все в порядке. – Кеша похлопал возле себя ладонью, приглашая присесть.

Я послушалась.

– Так что вы там такое непонятное говорили?

– Непонятное? Действительно, я говорил, что *непонятно*, как вы можете пытаться создать какие-то отношения.

– Нет, а до этого вы что сказали?

– Что контрастность превалирует над дуальностью. И нечего удивляться, негры тоже попадают образованные.

– Вы все время пытаетесь меня смутить.

– Извини, Юль, привычка, – легко перешел на «ты» незаурядный собеседник. – Итак, хочешь пояснений?

– Да, наверно.

– Вспомни своих друзей, Катю и Женю, когда они вместе. Закрой глаза и восстанови в памяти эту картину: они вдвоем сидят на берегу, прижимаются друг к другу и смотрят в одну сторону. Что ты можешь об этом сказать?

– Не знаю... – Я задумалась. – Круто?

– Да, – засмеялся Иннокентий. – Это круто. Я бы сказал так – полное единение. Ну как будто они одно целое. Вот такое впечатление лично у меня вызывает это зрелище. Идиллия, понимаешь?

– Да, ты прав, – согласилась я, тоже перейдя на «ты». Воистину, так оно и было. – Ну а что мы с Пашей?

– А вы с Пашей...

Он не успел договорить, так как шаманская какофония сменилась неожиданным бабьим визгом. Послышались также какие-то крики.

– Да что они, с одного стаканчика все вконец захмелели? – недоумевал спутник-философ.

– Там что-то случилось! – вторично подскочила я.

– Ладно, пойдем посмотрим. Поговорить еще успеем. Я надеюсь на это, Кукарача, – подмигнул он мне.

Я растянула губы в фальшивой улыбочке и первая пошла обратно. Он догнал, но держал меж нашими локтями дистанцию как минимум в полметра, за что ему огромное спасибо.

Когда мы подошли к компании, оказалось, что и в самом деле случилось что-то ужасное. Все носились, копошились, ахали и охали, хватались за головы, а Павел, предмет тамошнего разговора, делал массаж грудной клетки пожилой пианистке.

– Что стряслось? – спросила я подходя.

Мне ответила Катя странным голосом:

– Кажется, Агата Никитична умерла.

Глава 4

– Как это? – переспросила я подругу. В это просто не верилось. Агата мертва? Но почему здесь, сейчас? Как такое вообще может быть?

– Не знаю. Спроси Пашу.

Как же я забыла упомянуть в предыстории, что Павел у нас учится в медицинском? Что-то я совсем плохая стала.

– Не могу дозвониться до «Скорой»! – кричала Лера, тряся мобильником, что указывало на крайнюю степень нервного состояния. Конечно, первая экскурсия – и такое!

Самойлов, продолжая делать непрямой массаж сердца, не поднимая глаз, ответил:

– По предварительному заключению могу сказать, что у нее обширный инфаркт.

Я во все глаза смотрела на происходящее на земле безобразие и чувствовала себя будто во сне. На Пашиной джинсовке лежала пожилая тетя, над которой мы все так жестоко посмеивались всю дорогу, а сам Паша пытался ее спасти. Это было так странно. И в то же время мне хотелось вернуться на пару часов назад, чтобы проявить к женщине больше уважения и потребовать того же от других.

– Дозвонилась, дозвонилась! – истерично прокричала Лера, держа у уха мобильник.

– Боюсь, «Скорая» ей уже не поможет, – грустно сообщил

Самойлов. – Если бы под рукой был электрошокер, а сами мы находились в операционной, а не хрен знает где посреди леса и воды, возможно, я бы смог ее спасти. – Сделав еще пару телодвижений над телом, Павел поднялся, отряхнул руки и, глянув на часы, деловито сообщил Жеке: – Фиксируй, время смерти тринадцать пятьдесят две.

– Пахан, угомонись, – ответил тот ему. – Мы не в больнице, так что это излишне.

– Да? Блин, все время забываюсь.

Пока Валерия бубнила в трубку подробности произошедшего и описывала внешний вид тела женщины, Женька велел Катьке:

– А ты, любимая, звони в полицию. Я знаю, ты обожаешь общение с данными субъектами.

– Нет, ты знаешь, что *ты* ненавидишь общение с этими субъектами, поэтому звонить им придется мне, – уточнила Катя и полезла в сумочку.

– Да, дорогая, ты, как всегда, права.

«Скорая помощь» и полиция сообщили нам примерно одинаковое: на дорогах жуткие аварии, образовавшиеся вследствие магнитных бурь, подземных толчков и надвигающегося ввиду последних двух причин, а может, своих собственных, урагана, потому ждать их придется долго, вполне возможно, до следующего дня. Мы и ждали. Малинова, прихватив подругу и водителя, направилась ко дворцу, чтобы застать там служащих и сообщить о случившемся, а также

попросить помощи, а остальные остались на берегу.

Я всеми силами отворачивала лицо от мертвой Агаты, стараясь изучать море, небо, людей, все что угодно, лишь бы не видеть покойницу, чтобы она не могла пугать меня в сновидениях.

Море было тревожным. Всего за каких-то полчаса оно сменило настроение с умиротворенного на сильно волнующееся, почти бушующее. Тучи становились плотнее, но дождь так и не начался. Люди также не кипели желанием приближаться к умершей женщине и разбрелись кто куда. Только Самойлов остался сидеть рядом со мной, что прибавило во мне благодарности к этому доброму, чистому человеку. Самым приятным было, что «заводной апельсин» преобразовался в молчуна, что было сейчас очень кстати: у меня не было ни малейшего желания не то что общаться, а даже произнести хотя бы слово, а Паша и этой малости не требовал. У него точно имелось врожденное чутье на мое внутреннее состояние, и он пусть не всегда, но чрезвычайно часто угадывал, когда стоит поболтать, а когда необходимо помолчать.

Вскоре мы направились по одной из тропинок к центральному входу и недалеко от Самсона заметили Леру и Свету. Они кому-то усиленно махали. Я подняла глаза на лестницу и увидела нашего гида. Галина Тимофеевна отнюдь не грациозно спускалась по ступенькам, нервно размахивая руками. Только сейчас я почему-то подумала, что в ней есть что-

то мужеподобное.

– Вот вы где! – сказала она девчонкам, подходя. Затем заметила нас, усевшихся на лавочке неподалеку. – А где остальная группа? Лера, если хочешь стать настоящим экскурсоводом, ты должна научиться следить за своей группой.

– Ма, зачем ты здесь?

– Чтобы предупредить вас! Закончила экскурсию пораньше и тут же поехала в Петергоф. Тебе нужно собрать всех людей и срочно уехать. Надвигается ураган. По всем каналам и радиостанциям передают.

– Ма, я не могу уехать сейчас. – Малинова рассказала про несчастный случай, с трудом сдерживая слезы. – Первый раз я взялась... И тут такое... Мы должны дождаться полицию.

Гид строго взирала на ночь в течение минуты, затем вынесла вердикт:

– Ну хорошо, оставайтесь. А я поеду домой.

С моего места было хорошо видно, как удивилась дочь. Помимо удивления, на лице читалась также обида и новая порция испуга:

– Ты... бросишь меня? В такой ситуации?

– Лера, ты уже взрослая. Если хочешь стать настоящим гидом, ты должна справиться с этим сама. Это будет колоссальная монета в копилку твоего опыта. Но обещай мне, что, как только выступишь гражданский долг, никаких гулянок! Все быстро сели в машину и вернулись в отель.

– Обещаю... – нахмурившись, протянула дочь, ее подру-

га кивнула, а Галина Тимофеевна, резко развернувшись, отправилась к лестнице.

Мы с Павлом решили вернуться на берег. Через длительное время после этого приехали «Скорая» и полиция. Вой их сирен мы слышали даже отсюда. Наверно, потому, что парк к тому периоду уже опустел: посетители испугались надвигающейся бури и разъехались по домам. Экскурсии закончились и того раньше, всех туристов, русских и иностранных, доставили в их гостиницы пару часов назад.

– Что ели, пили? – накинута оперативник на Валерию, оглядывая тело умершей.

– Пили вино. Ели салаты. Оливье, крабовый. Колбасу, хлеб.

– Понятно. На что она жаловалась?

– Ну, в автобусе говорила, что плохое здоровье. Что-то про сердце рассказывала, я не помню уже.

Павел в то же время объяснялся с врачами со «Скорой». Они подтвердили его версию – смерть от обширного инфаркта. Во-первых, алкоголь, во-вторых, магнитные бури, в-третьих, плохое общее здоровье, в-четвертых, частые переезды в душном транспорте, это и повлекло за собой такие страшные последствия. Полиция согласилась с тем, что криминалом здесь не пахнет, однако на всякий случай они забрали стаканчик, из которого пила женщина, для экспертизы. Но остальные, пившие то же самое вино, чувствовали себя нормально, так что это была простая формальность. Тело

увезли, заодно и нам посоветовали скорее сворачивать удочки, не то элементарно не сумеем отсюда уехать по такой погоде – уже вовсю резвился сильный ветер, завывая и пронизывая до костей. Мне пришлось поднять джинсовую куртку, на которой скончалась женщина, чтобы Павел смог одеться, а то он начал походить на снеговика, покрывшись изморосью и мелко дрожа. Но он лишь оглядел наряд с благоговейным страхом в глазах и скомкал под мышкой. Тогда я взяла на себя роль заботливой мамыши, насильно вытащив из-под его руки джинсовку и заставив надеть ее.

– Вот и съездили на экскурсию, – вздохнула Феля, прижимаясь к Фале.

– Не то слово, – согласилась Света и обратилась к печальной подруге: – Лерка, брось, не твоя в этом вина. Кончай переживать.

На Малинову действительно было больно смотреть. Наверняка в тот момент она клялась себе, что это был первый и последний опыт работы гидом в ее жизни.

Логинов грел Катю, а одетый Паша грелся о меня, прижимаясь всем туловищем и даже ногами. Кеша смотрел на нас, вздыхая, и поддерживал за локоть индейца, которого здорово колбасило, точно он подцепил вибрационную болезнь, только вот непонятным оставалось где.

Водитель единственный был спокоен как удав. Казалось, ему совершенно не холодно в тонкой футболке. Бодрой походкой он двигался рядом, легкая улыбка не покидала его

лицо, точно приклеенная, и это казалось противоестественным.

– Вам не холодно? – словно прочитала мои мысли Катерина, обращаясь к Альберту.

– Нет, я закаленный. Я и зимой так хожу. И никогда не болею, представьте себе!

– Ну, конечно! – высказала Лера. – А кто целый месяц на работу не выходил?

– Так то не простуда, то я в запой ушел. А врачиха знакомая больничный мне сляпала, чтобы твоя мамка с работы не поперла.

– Так откровенно, – поразился чужой смелости Жека, хотя сам был парень не промах и мог сказать что угодно и кому угодно.

– Лерчик добрый, Лерчик все поймет, – начал подмазываться Морозов к девушке и даже шутливо положил ей голову на плечо.

– Эх, ну вас к лешему, Альберт Семеныч, – проворчала Валерия, однако, не отстраняясь. – Вечно вас выгораживаю перед маман.

– Точно-точно, – препротивным голоском хихикнула язвительная Светлана, заставив меня теряться в догадках, а на что она, собственно, намекала. Де нет, Морозову явно сороковник. А Лерка – молоденькая девчушка. Наверно, дело в чем-то другом.

– Может, уже поедем? – предложил измученный Фалалей.

Сердце на щеке грустно сморщилось, а косичка на влажной погоде стала завиваться.

– Да, конечно, – спохватилась Малинова, аккуратно высвободила плечо из-под мужской головы и направилась к выходу.

Мы пошли следом, мысленно прощаясь с каждым фонтаном, мимо которого лежал наш путь к стоянке. Эх, не так гладко прошло мое знакомство с Петергофом, но тем не менее оно состоялось. Когда-нибудь я вернусь сюда, и все будет по-другому. У меня будет куча свободного времени, и я им распоряжусь так, как захочу.

– О чем призадумалась? – спросил рядом идущий Паша, держа меня под руку.

– Планирую, как скоро смогу сюда вернуться, – усмехнулась я, потому что знала, что озвученной эта мысль покажется немного забавной. Вроде как уехать не успела, а уже хочу назад. Павел думал точно так же, потому ответил:

– Мы пока еще не уехали. Так что наслаждайся последней минутой *рая*.

– Ты так сказал слово «рай», точно имел в виду диаметрально противоположное место. То, что под землей.

– А как ты думала? Откачивать стареющую пианистку, да так и не откачать, а потом надеть на себя вещь, на которой она померла... Не лучший у меня день.

Надо же. Выходит, хладнокровие Самойлова при попытках вернуть к жизни Агату Никитичну – это было напускное,

ненатуральное. На самом-то деле Паша ой как переживал по этому поводу. Мне стало его очень жаль, и я прижалась к другу крепче. Самойлов расцвел прямо на глазах, щеки зарумянились, и он принялся травить анекдоты, будто это все не он пару секунд назад сокрушался относительно гибели человека. Посмотрев зачем-то в сторону Кеши, я уловила едва заметное движение его головы, выражающее неодобрение. Ничего себе, негр – и все туда же. Назло ему я прижалась к Паше еще сильнее. Самойлов от счастья завел песню про Катюшу. Металлисты его поддержали, руками изображая, точно подыгрывают на гитаре, но Жека всем троим покачал пальцем, чтобы заглохли.

– Пусть поют, – набросилась на Женьку Света. – Что, у нас теперь минута молчания будет? Подумаешь, тетка умерла.

– Света! – возмутилась Лера, вставая на сторону Логинова. – Терпеть не могу, когда ты такая!

– А что я сказала такого? Она была старая! И ее никто не знал!

– Знаешь, – встряла Катя, сверля гневливым взором Барскую, – тебя я тоже не знаю. Может, умрешь, а? Что в этом такого?

– Катя! – обрушился Паша на подругу. Вроде как Светка за него заступилась, стало быть, нужно заступиться за нее. – Опять ты ведешь себя как стерва.

– Не обзывай мою подругу! – неожиданно для себя прикрикнула я и вырвалась из его руки, отойдя в сторону. – А

ты че лыбишься? – накинулась я на Александрова, так как на сей раз в его глазах явственно выступило одобрение, и улыбка это подтвердила.

– Я вообще иду молчу! – как всегда, в приподнятом настроении ответил негр.

– Вот и молчи почаще! – поддержала меня Катя.

– Девушка, я не с вами разговаривал.

У Жеки от такого обращения со своей любимой вспыхнули глаза:

– Ты ща огребешь, понял? Даже не пищи в ее сторону!

– Да ладно, она сама часто пищит, – бросил Паша.

Только мы втроем (я, Жека, Катя) хотели наброситься на лучшего друга и побить его за Любимову (она – за саму себя), как тут индеец по-лошадиному игогокнул и побурчал что-то на неизвестном науке языке.

– Че он бузит? – обратилась Барская к Кеше.

Тот пожал плечами:

– Я что вам, переводчик? Не знаю я их языка.

– Но как ты с ним общаешься?

– По-русски! Я негр, но я русский!! – похоже, даже у Кеши стали сдавать нервы. Не знаю отчего, но это было чертовски приятно.

– Я сказал, смешные вы, – громко возвестил радостный индеец со странным акцентом. Точно он не индеец вовсе, а чукча. – Как тут не понять? Это закон джу-бня.

– Кого закон? – переспросили все хором.

– Джу-бня. Бледнолицую никто не любил, и ее смерть внесла в бытие ныне живущих разлад. Когда змея покидает мир, она выплескивает наружу весь свой яд, чтобы не перенести его на облака. А яд впитывается в окружающий мир.

Несмотря на то, что индеец выглядел глуповатым и изъяснялся очень странно, я все же поняла, какую мысль он хотел до нас донести. Негатив к Агате с ее смертью преобразовался в нечто совершенно новое – негатив ко всем остальным. Так как пианистки больше нет, значит, на нее уже невозможно выплескивать раздражение, но никакая материя и энергия в природе не может самоликвидироваться, вот мы и набросились друг на друга.

Не я одна такая умная, Орлиный Глаз поняли все, потому до «Газели» шли молча, разом прекратив перебранку. Когда влезли на места, распределившись точно так же, как по дороге сюда (одно сиденье, естественно, осталось пустовать), а Альберт вставил ключи в замок зажигания, выяснилось, что у Паши был дурной глаз, и раздражение ко мне вновь вернулось. Дело в том, что «Газель» не завелась.

– Еп-те... – ругнулся Альберт.

– В чем дело? – спросила Лера.

– Не пойму. Показывает, что бензин на нуле. А сюда когда ехали, полный бак был, я ж заправился.

Тут Логинов всех удивил:

– Похоже, лужа рядом с машиной отнюдь не от дождя.

Все удивленно замолчали.

– Милый, ты хочешь сказать, что кто-то проткнул бензобак? – Катька почесала бровь. – Это становится похожим на кровавый триллер. Надвигается ураган, машина не заводится, сейчас у всех синхронно откажут сотовые, и начнем потихоньку умирать один за другим.

Люди, словно их мгновенно охватило стадное чувство, полезли за своими мобильниками. Я тоже открыла сумочку, лишь сама Любимова и не думала шевелиться.

Экран маленького телефона показал мне «Поиск сети», так я и знала. Как и предсказала подруга, у всех одиннадцати человек ситуация с телефоном была аналогичной.

– Что за дурдом, – проворчал водитель, вылезая на улицу. До ушей сразу донесся шум буйствующего ветра, стонающего и воющего, нагоняющего в самое сердце ужас и лед. Уже совсем потемнело из-за непогоды, но дождь так и не желал начинаться. Это почему-то если не пугало, то серьезно настораживало. Словно готовилось что-то... недоброе.

Он обошел машину и склонился в том месте, где на асфальте значилась подмеченная наблюдательным Женей лужа. Валерия открыла окошко и крикнула:

– Ну что там?

– Не понимаю. Весь бензин вытек! Словно его специально слили.

Люди, переполошившись, заохали.

– Кому это надо? – тонким голосочком зывала Лера.

– Видишь, тут штуковина на земле валяется? – ответил ей

с улицы Альберт. – Это антенна, она, видимо, отломилась от какого-то здания и из-за ветра наткнулась на бак и проколола его.

– Еще есть версии?

– Я знаю, что звучит неубедительно, но я не верю, что кто-то специально это сделал. Кому это нужно, Лер? Получается, нам просто очень повезло, стечение обстоятельств.

– Что теперь будет? – спросила взволнованная Света подругу.

– Да, что теперь? – вторили ей металлисты.

– Не знаю, – смутилась от вопросов Малинова. Она не ведала, что отвечать, потому что впервые попала в подобную ситуацию. Что делать, она тоже не ведала. – Альберт Семенович, как считаешь, что делать? Телефон не работает...

– Я схожу во дворец, там же остались люди. Видишь «пазик» и «жигуль»? Гости все разъехались, значит, это местные. Тогда можно попросить у них топлива.

– Было б куда наливать, – поспорил Женя. – Бензин же выльется, если там дыра.

– Да, но... – Сильный порыв ветра заглушил ответ. Нам пришлось переспросить. Тогда Альберт приоткрыл дверь и сунул голову внутрь. – Я говорю, я попробую чем-нибудь заделать. Ждите меня здесь, никуда не разбредайтесь.

Он бодрой походкой, ничуть не дрожа от штормового ветра, направился во дворец.

– Ну вот, один уже ушел. По закону жанра он не вернет-

ся, – продолжала Катька сравнивать реальность с вымышленными фильмами ужасов, которые смотрела пачками.

– Что значит – не вернется? – испугалась Барская.

Иннокентий открыл было рот, чтобы что-то сказать, но покосился на нас с подругой и закрыл его.

– Глупости, он вернется, – отвергла страшную мысль Валерия. – Ничего дурного больше не случится. – Ох, как же сильно она заблуждалась в тот момент! – Давайте просто ждать.

Мы и ждали. Логинов с Самойловым впереди соприкоснули головы, опираясь на спинку сиденья, и, кажется, задремали. Мы с Катей принялись играть в «Морской бой» – так мы часто развлекаем себя в поездках. Кеша что-то тихо рассказывал товарищу индейцу, по-моему, о космических кораблях (во всяком случае, слова «орбита» и «Луна» прозвучали точно), по лицу последнего сложно было догадаться, понимал ли он, о чем речь, или нет. Металлисты сзади сочиняли новую песню про фонтаны и тучи, вслух проговаривая аккорды и тут же занося их в блокнот. Света листала найденный между передними сиденьями журнал, жуя жвачку. Лера молчаливо смотрела за окно на то, как зверствует непогода.

Я, конечно, продула. Катька показала мне язык, а Малинова вдруг поднялась и сказала:

– Я пойду за ним.

– Вот, еще одна, – со змеиной ухмылкой ляпнула Катя. Я ткнула ее в бок, а Павел, очнувшись, неожиданно принял ее

сторону:

– Кстати, на самом деле, во всех фильмах, когда кто-то так говорит и отделяется от коллектива, его кромсают на кусочки уже через пару метров.

– Что за фильмы вы такие смотрите? – полюбопытствовал негр, по-прежнему улыбаясь.

– «Черные тела», – хихикнула Света, не отрывая глаз от глянцевої страницы.

– Очень смешно. – Даже обидевшись, Александров упорно хранил на лице улыбочку. Загадочный тип.

Индеец впал в транс.

Валерия взялась за остатки былой ручки и открыла дверь.

– Я не боюсь, – сказала нам, выходя.

– Что творится! – замахал руками Паша. – Сперва записка, потом труп, теперь вот это. Люди уходят и не возвращаются. Ты ведь не уйдешь, Жека?! – набросился он на спящего друга и затряс его за плечи. – Не уйдешь?!

– Что? – проворчал тот тоном невыспавшегося медведя и потянулся. – А что, куда-то надо идти?

– Паш, отстань от него, пусть человек поспит! – вступилась Катя за возлюбленного. – Ты бы лучше разгадывал шифровку, пока время есть.

– Да че там. Разгадал уже. Еще по дороге сюда.

– Что?! – вскочили мы с ней обе.

Индеец вздрогнул и открыл глаза. Барская оторвалась от журнала.

– Что там у вас? – поинтересовался Кеша, обратив к нам любопытствующее темное лицо.

– Ничего, ничего, это мы так... – Катька просунула черепушку меж сидений и зашептала в Пашино ухо: – Ты почему не сказал, что расшифровал послание? Это же так важно!

– Именно, что уже не важно. Потому и не сказал. Вчера было бы важно, сегодня уже нет, – Павел был мастер по недосказанности.

– То есть? Ты можешь прямо сказать?

– Эх, смотри. – Самойлов вытащил из кармана лист бумаги. На первом обороте был хорошо известный нам текст, на обратном же была изображена неровной Пашиной рукой клавиатура с буквами – латиницей и кириллицей. – Однажды в далеком детстве мы играли с Жекой в партизан. Мы записывали на компьютере текст, нажимая нужные клавиши с русскими буквами, но сменив раскладку клавиатуры. То есть письмо было набрано сплошь английскими буквами, но, сверившись с клавиатурой, мы быстро переводили текст на русский и читали.

– Что-то ты лукавишь, Паша, – нахмурила Катя брови. – В далеком детстве у тебя еще не было компьютера. Столь широкое распространение эти адские машины получили, когда вы были уже подростками.

– Ладно, хорошо, это было недавно. – Павел слегка порозовел. Ничего, мы с Катей тоже иногда впадаем в детство, зачем так смущаться? – Суть не в этом. Взгляни повнима-

тельное.

Любимова уткнулась в нашу записку, и я вместе с ней. Буквы-то были русские! О чем он талдычит?

Это мы ему и сказали.

– Глупые курицы, – незлобиво бросил друг. – А вы переведите наоборот, на латинские буквы! Я же дал вам рисунок клавиатуры! – Эта история произошла во времена, когда смартфоны были далеко не у каждого, поэтому для этих целей мы не могли использовать собственные мобильные телефоны.

Мы перевели и записали. Вышло вот что:

«Vstretimsya segodnya v desyat' chasov v parke voze obeliska. Ya prinesu den'gi». То есть «Встретимся сегодня в десять часов в парке возле обелиска. Я принесу деньги».

– Блин, вот что означает таинственное «нф», – сокрушалась Катя. – Это всего лишь «я»! Записанное латиницей. А мы все гадали, что за слово из двух букв, которым оканчиваются другие слова.

– Зато мы были близки к разгадке «м», – утешила я ее. – Помнишь наши варианты? «В», «с» и «и». Это было «в».

– Ну где там водила с газOLIном? – повысила подруга голос. – Нам срочно нужно в город! Мы должны найти этот обелиск!

– Катя, зачем? Паша прав, теперь записка не имеет значения. Сегодня уже сегодня. А это было вчера.

– Но вчера же никто не пришел, так как записка попала к

нам. Вдруг придет сегодня?

– Да что ты так вцепилась? – недоумевал Павел. – Придет – не придет, не все ли равно?

– Нет, я хочу знать! Это всенепременно что-то секретное и интересное, иначе на кой было так тщательно шифровать?

– Ага, – окончательно проснулся Жека и настроился на саркастический лад. – Тщательно шифровать, дабы потом подсунуть не под ту дверь! Вот спецы!

Я подумала: а может быть, под ту? Может, встречи искали именно с нами? Но тут же поругала себя за богатую фантазию. Человек грозился припереть с собой на «стрелку» деньги. Кто это нам за просто так денег даст? Нет, прав Женька, записку явно подбросили не тем людям.

– Мне нужно в город! – не унималась Катя.

– Ой, да ну всем нужно! – огрызнулась Света раздраженно.

– А ты помалкивай, когда я говорю!

– Да ты что!

– Девушки, успокойтесь, – проявил задатки миротворца негр Кеша.

Неизвестно, на сколько частей порвали бы Александрова Катя и Света, если бы не вернулись водитель с Лерой, да не одни, а с каким-то мужиком. Он оказался механиком.

– Залатать я вам дыру, конечно, залатаю, да шо вам с того? – не то с украинским акцентом, не то с деревенским говором сообщил тот. – Бензину у нас нету. Я залью, щоб мож-

но было в гараж перегнать, и усе. А назавтра тада наш водила приедет и заправит вас.

– Что значит завтра? – возмутилась Любимова. Сидела б и молчала, честное слово. А то нам и того не дадут. – Мне надо сейчас!

– Дамочка, нету щас, нету!

– Плохо искали!

– Любовь моя, успокойся, – обернулся к нам Женька. – Дыши глубже, вход-выдох, вдох-выдох...

Катерина Михална проделала упражнение и действительно успокоилась.

Валерия спросила:

– А ночевать где? В машине?

– Должны же быть в этом городе гостиницы, – заспорила с приятельницей Света капризным тоном.

– В сезон столько свободных мест здесь не бывает, – покачала та головой. – Придется в машине.

– Зачем же? – встрял здешний мужчина. – В лесу сторожка есть, отличный домик. Раньше тама лесник жил со усем своим большущим семейством, потом сбёгнул правда, так шо мест хватит всем. В крайнем случае по двое лягут.

Я закашлялась. Ничего себе! Логинов с Любимовой – понятно. Фаля с Фелей – тоже. Остальные-то как?

Самойлов обернулся ко мне и подмигнул. Я же погрозила ему кулаком. Барская оглядела поочередно чудаковатого индейца; подозрительно постоянно всем довольного негра;

имевшего в носу кольцо, на щеке тату, а в ушах, бровях, языке и еще много где пирсинг Фалалея и пригорюнилась.

Малинова взяла ключи из рук рабочего и выяснила, куда идти.

– Что ж, идемте, – сказала она нам.

Глава 5

Водитель с механиком остались чинить машину, остальные члены экипажа отправились искать отдаленную сторожку, в которой предполагалось провести конец дня и всю сегодняшнюю ночь. Она была расположена почти возле самой воды, западнее Нижнего парка, и поразила нас своими габаритами. Снаружи это было длинное, как барак, деревянное здание из темных, наполовину гнилых досок. Внутри же имелись такие неожиданности, как водопровод, электричество, туалет (какой-никакой) и целых шесть комнат, три с восточной стороны и три с западной, объединенных одной залой, выполнявшей роль кухни, столовой и комнаты для отдыха одновременно.

– Большая была семья у лесника, – заметила Катя.

– Знаете что, – подала голос Фелициана, – я вернусь и помогу мужчинам с автомобилем. Я же в прошлом гонщица, знакома с машинами, могу оказаться им полезной.

– Даже не думай, – затряс косой басист группы «Фалалей-Энд-Фелициана». – Не хватало тебе одной блуждать в такую погоду по незнакомой местности!

– Опять начинаешь? Я же предупреждала, что быть со мной можно, только давая мне свободу! – похоже, внутри пары разгорелся какой-то давнишний спор. Чтобы не мешать, мы тактично отделились от них, услышав только, как Феля

сказала: – Я люблю острые ощущения! Без них моя жизнь превращается в ноль!

Мы с Катькой облюбовали для нас одну из комнат западной стороны и «забили» рядом расположенную для ребят, бросив на кровати часть вещей, чтобы уже никто не смог занять ее. Сами парни осматривали район, куда мы угодили, не успев еще зайти в дом.

– Как думаешь, кому предназначалась записка? – спросила подруга таким тоном, словно, только зная ответ, можно спасти Вселенную от Великой Катастрофы.

– Любимова, ты совсем чокнулась с этой запиской. Кому, хочешь знать? Тому, кому задолжали. Там ясно сказано: «Я принесу деньги». Но явно не нам.

– Думаешь, это чистая случайность, что лист попал к нам или в этом есть божий промысел?

Я почесала нос.

– Наверяд ли. Я понимаю твое желание во что-нибудь влипнуть, но зашифрованное послание явно не тот путь.

– Ладно, – погрустнела Катка. – Просто... это как-то странно... Подбросивший скрылся, не потрудившись проверить, а в те ли руки попало письмо, а само письмо довольно хитро зашифровали, чтобы никто посторонний не смог прочитать. Однако мы прочитать сумели. Ну согласишься же, что-то в этом есть?

– Да, есть, – кивнула я. – Но шифровка была не такой уж хитрой, раз даже Паша сумел ее разгадать.

– А вот и нет. – Катька как-то странно улыбнулась, напугав меня. – Юль, у нас с тобой был в номере компьютер?

– О чем ты говоришь? Конечно, нет.

– А у ребят?

– К чему ты ведешь? – устала я играть в игры.

Любимова поднялась и стала разглаживать юбку.

– К тому, что лично мне незнаком человек, знающий обе раскладки клавиатуры наизусть, следовательно, адресата надо искать из тех, кто носит с собой ноутбук. Как только вернемся в гостиницу, я займусь поисками.

Я покачала головой, но сочла за благо смолчать: если горбатого могила исправит, то Любимову не исправит ничто и никогда.

Вскоре Лера попросила нас помочь ей в приготовлении раннего ужина. К счастью, в доме остались кое-какие запасы долговечной еды, как то: несколько банок тушенки, много пачек макарон, соленья из помидор и огурцов, зеленый горошек, кукуруза, рыбы консервы, а морозилка оказалась богата пельменями, котлетами, варениками и иными замороженными продуктами.

– Ура, будем жить! – порадовалась Катька, любительница набить желудок (что никаким образом не сказывается на ее великолепной точеной фигурке), на время оставив дурацкие мысли о поиске адресата диковинного послания.

Мы втроем сварганили нехитрый ужин на одиннадцать персон, рассчитывая на то, что Альберт Семеныч с Фелей

могут вернуться в любую минуту, и стали накрывать на стол. Павел с Кешей кинулись нам помогать, по-прежнему сверля друг друга при встрече недоброжелательными взглядами, а остальные расселись на стульях вокруг стола, словно являлись боярами, которым обязана была прислуживать челядь вроде нас.

– Жека, отрывай свою задницу! – не выдержал Паша.

– Ты как со мной разговариваешь?! – разозлился «боярин». – Да и вообще, ты же в курсе, что я непригоден для ведения домашнего хозяйства. Я даже яичницу не умею готовить, чего ты хочешь от меня?

– Никто не заставляет тебя готовить! Просто расставь тарелки на столе, и все!

– Паш, отстань от него! – по обычаю встала на сторону любимого Екатерина. – Он устал с дороги, пусть посидит. Накрывать на стол – обязанность жены.

– Киса моя, наклонись, дай я тебя поцелую!

– Нет, а я что, жена ему? – возмущенный Павел отошел от стола, чтобы поделиться со мной негодованием. Я заверила друга, что женой Логинова он не является.

Любимова действительно наклонилась к жениху, чем была выведена из строя официантов на целых полторы минуты за счет продолжительного французского поцелуя.

– Ну что, будем ждать остальных? – спросила Лера, когда все приготовления были завершены. – Или сядем?

– Сядем, жрать хочу, – поделился своей проблемой Са-

мойлов и занял место возле сачкующего друга, тут же начав накладывать в свою тарелку все без разбора.

– Не налетай так, – погрозился Логинов, – а то народ подумает, что мы тебя дома не кормим, чудо наше.

Павел уже успел набить себе рот, так что нам не удалось разобрать, что же он ответил.

Фалалей, игнорируя еду, корпел над большим блокнотом.

– Муза поперла? – обратилась к нему Катя, садясь между Женькой и мной. Фаля оказался прямо напротив нее.

– Что? – поднял тот татуированное лицо.

– О чем новая песня, спрашиваю?

– А-а. Про серое небо и ураган. Вот, послушайте и оцените: «Ураган надвигается, / Ну а тучи сгущаются / Прямо над нами с тобой. / Нагло мы их украдем, / И тогда, когда мы умрем, / Чужая кровь будет литься рекой». Как вам?

– Здорово, прям по мне, – улыбнулась кровожадная Катя. – Мрачно и о смерти. Готика. Обожаю!

– Спасибо, рад, что оценили. А другие что скажут?

– Тупость, – высказалась Света, наверняка только ради того, чтобы пойти вразрез с моей подругой. – Ни слога, ни рифмы.

– Критику я тоже уважаю, – авторитетно изрек Фаля, чем очень подкупил нас всех. Снаружи Фалалей был угрожающим неандертальцем и жестоким панком, а внутри сидел умный, рассудительный человек. – Она помогает адекватно смотреть на свое творение. Что вы скажете? – обратился он

к Лере.

– Почему сразу я? Не люблю я говорить неприятности. Ох... Просто это не мое, я этого не понимаю, вот и все. Если в мире и так полно негатива, зачем же еще в книги его вносить, в песни, в другое творчество? Не пойму никогда.

Фалалей посмотрел на меня.

– Мне понравилось, – робко ответила я на произнесенный вопрос.

Тогда он перевел взгляд на Женьку.

– Вот вы говорите, блэк металл пополам с готикой играете, – сказал Логинов, – и песни, вижу, пишете готические. А видок у вас не совсем не подходящий. У «готов» длинные прямые черные волосы, а лица желательно замазаны какой-нибудь белой фигней. Губы либо черные, либо темно-красные. «Блэки» выглядят попроще, но вид вашей пары вызывает у меня ассоциации с панк-музыкой. Хотя тоже не слишком в их стиле.

– Вы правы абсолютно. Делом в том, – пустился в разглагольствования Фаля, – что мы планируем открыть нечто совершенно новое в жанре музыки. Оттого и выдумали себе такие имена и неповторимый имидж. Чтобы не было никаких стереотипов, понимаете? Чтобы этот новый жанр воспринимали как бы заново, а не в сравнении с уже существующими группами.

– Это интересная точка зрения, – повертел в руках вилку зачарованный Логинов и задумался.

– А мне, – подключился к дискуссии Кеша, – кажется, что вам нужно сократить долю триллера в ваших текстах и сконцентрироваться именно на пессимизме, но на реалистичном пессимизме. То есть вместо «кровь рекой» написать что-то вроде «потому что такова жизнь, все умирают...». Наподобие того. Тогда вас будут воспринимать серьезно. – Несколько смутившись, Иннокентий прибавил: – Но это лишь мое субъективное мнение. Молодежь пошла нынче странная, так что... Может, им как раз и хочется, чтобы «кровь рекой». К тому же, если она «чужая», а не своя.

Шутка не многим пришлась по вкусу, но я усмехнулась, а сам негр громко рассмеялся. Что ж, не буду спорить, если кто скажет, что сейчас Александров выглядел с самой лучшей стороны – как мудрый, эрудированный, всесторонне развитый человек, да еще и с умеренным чувством юмора. По крайней мере, в моих глазах.

Светлана решила дать совет:

– Вместо того чтобы тратить деньги на выпуск никому не нужных трех сотен дисков пока еще неизвестной группы, купили бы лучше компьютер. Чем в блокноты-то писать бестселлеры свои. Растеряете все.

– У меня есть ноутбук, – опровергнул Фалалей. – Но сейчас он в гостинице, потому пришлось прибегнуть к столь древнему способу.

Катка толкнула меня под столом ногой, но я и без того обратила на это внимание. Впрочем, то, что у Фали есть но-

утбук в номере, еще ничего не доказывает.

– А на каком этаже вы остановились? – осмелилась я его спросить.

– Гляжу, это ваш любимый вопрос, – заметил Иннокентий чуть ли не с укоризной.

– А ты не лезь к ней, – прожевав пищу, чтобы его поняли, пригрозил Павел и продолжил есть.

– Наш номер на втором этаже, – сообщил обладатель дохлой косички. – А ваш?

– Наш на третьем.

– Белое мясо – табу! – внезапно воскликнул страшным голосом Орлиный Глаз и опрокинул тарелку. Специально ли, нечаянно ли – поди разбери.

– Это не белое мясо, это макароны, – пустилась в объяснения Валерия, так как, во-первых, к несчастью, сидела рядом с ним, а во-вторых, никто другой так или иначе не собирався вступать в дебаты с диковинным мужчиной, а она была жалостлива и воспитанна, так что не могла оставить замечание пожилого человека без внимания.

– Что ты сказала, бледнолицая? – Индеец начал бестолково озираться по сторонам, ища того, кто отважился возразить ему.

– Я здесь, справа от вас, – осторожно кашлянув, сказала она несмело. Когда «орлиные глаза» уставились на нее, Лера продолжила: – Я говорю, это макароны с тушенкой. Макароны – мука, тушенка – говядина. Не белое мясо, понимаете?

Но если вы полностью вегетарианец, то вам, конечно...

— Нет белого мяса? — не дав договорить, уточнил недоверчиво краснокожий, переворачивая тарелку обратно.

— Да, белого мяса тут нет.

— А что это белое?

— Это мука! Мука! Макароны из муки!

— Лер, оставь, — встряла Барская, пожалев подругу. — Пустое это. Не хочет, пусть не ест. Негр Кеша, объясните же ему! Скажите, как это по-вашему будет, ну, что с ним никто возиться не станет, это ему не дом для престарелых.

— Что значит «по-вашему»? — мягко возмутился Александров, храня на лице натянутую улыбочку. — Я говорю на русском языке, так же, как и вы.

— Ах, ну да, я забыла.

Когда все доели, так и не дождавшись остальных членов бригады, Лера предложила посмотреть фотографии и достала их из пакета. Мы расселись рядом. Это были съемки вчерашнего, первого, дня. Да, много же мы с Пашей пропустили. Молодец, Валерия! Успела и себя снять, и других, и практически все экспонаты, с которыми ознакомила гид Эрмитажа. Часто мелькали Катька с Женькой, мы же с Самойловым, конечно, остались в стороне. Зато я на удивление хорошо получилась на последнем снимке, возле гостиницы. Любимова тоже прелестно вышла, она вообще очень фотогенична. Однако стоит об этом при ней заикнуться, как тут же повалит дым из ее ушей, дескать, да ты что, в жизни я куда лучше,

посмотри хоть сюда, что это за вурдалак с красными глазами? Но это нормально, мало кто любит себя в записи, будь то аудио, видео или обычные фотокарточки.

– Поставь сюда, – предложил Павел и сам водрузил этот снимок на полку, подперев его перечницей, чтоб не упал. – Чтобы Фелька с водилой полюбовались, когда придут.

Индеец ткнул черным ногтем в край фотографии, а потом показал на потолок.

– Кеша? – вопросительно уставилась на негра Светлана, мол, переведи.

– Боже! – схватился тот за лицо, но через пять секунд хладнокровие вновь к нему вернулось, и Александров произнес: – Я так полагаю, он говорит об Агате.

Тот закивал.

– Древний обычай, – более-менее внятно ответил индеец сам за себя. – Глаза мертвого, – поднес тот же обугленный ноготь попеременно к правому и левому глазам Агаты на снимке. – Нельзя! Табу! Смотрят в мир живых, нельзя! Это табу!

– Да? Что еще табу? – скептически ухмыляясь, спросил Жека. – Говорите сразу, чтобы мы знали. Все-все табу, сразу списком.

Индеец проигнорировал насмешку.

– Что же делать с глазами? – обратилась я к Орлиному Глазу, почуяв внутри неприятный холодок. Действительно, лицо умершей на снимке нагнетало какую-то тоску, отчая-

ние и что-то еще очень нехорошее, что я не смогла классифицировать.

Индеец молча взял со стола неизвестно кем оброненный фломастер и, не спрашивая разрешения, взял в руки фото и закрасил глаза Агаты Никитичны.

– Какое неуважение к усопшим, – ужаснулся металлист и непривычным жестом дернул себя за кольцо в носу.

– Наоборот, – пошептавшись с краснолицым, низко-низко для того наклонившись, ответил Иннокентий. – Это обряд такой. Чтобы она никого не смогла с собой забрать в царство мертвых.

– О господи! – воскликнули все, а я даже схватилась руками за горло, словно незримая Агата в обличье призрака собиралась меня задушить.

Индеец еще что-то горячо зашептал в ухо согнувшемуся в три погибели Александру.

– Он говорит, что, возможно, уже поздно, – скривившись, перевел нам баскетболист и начал поглаживать желудок. – Что-то мне нехорошо. Тушенка точно свежая была?

– Мне тоже нехорошо, – поделился Павел. – И дело отнюдь не в тушенке. Этот ацтек сейчас еще навлечет на нас какое-нибудь проклятие своими словами!

У индейца аж глаза чуть не выпали из лица.

– Ацтеки – враги! – в полном аффекте выкрикнул он и обмяк, обессиленный, на руках негра.

– Что ж ты делаешь, а? – бросил Самойлову Алексан-

дров. – Он не любит ацтеков. Благодаря правителю ацтеков Монтесуме испанцам удалось захватить государство Анауак, а потом и оставшиеся города. Его племя состояло в отдаленном родстве с ацтеками, и все-таки они себя к ним не причисляли. Эх, пойду отнесу его в комнату.

С этими словами негр Кеша перекинул тело через плечо и легко, точно это был не человек, а летняя куртка, понес в комнату, что была прямо напротив нашей с Катей, с восточной стороны.

Только мы отошли от этих пугающих бредней, как в сторожку вошел Альберт с очень усталым видом. Он вытер лоб рукой, который тут же потемнел, потому что ладонь была грязная, и произнес:

– Ну и достал же меня хохол этот. Что-нибудь пожрать есть в доме?

– Есть, – ответила Лера.

– А где Феля? – недоумевая, обратился к Морозову Фалалей.

– Кто?

– Феля! Жена моя! Она же к вам пошла помогать. Еще два с половиной часа назад!

– Да вы что? Не было там никакой Фели. Только я и этот хохол жуткий. – Я сморщилась вторично произнесенного слова «хохол»: мужик, оказывается, жуткий националист. В то же время, я сама, говоря о Кеше, постоянно мысленно добавляю «негр». Все мы хороши, короче. Альберт тем време-

нем продолжал жаловаться: — Такой приставучий, еле отделался от него. Усиленно изображает из себя великого аса, а сам ни тура не сечет. — Водитель обвел нас глазами, под которыми назрели темные круги, точно от какой-то болезни, но, видимо, просто от утомления. — Да что с вами всеми такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.